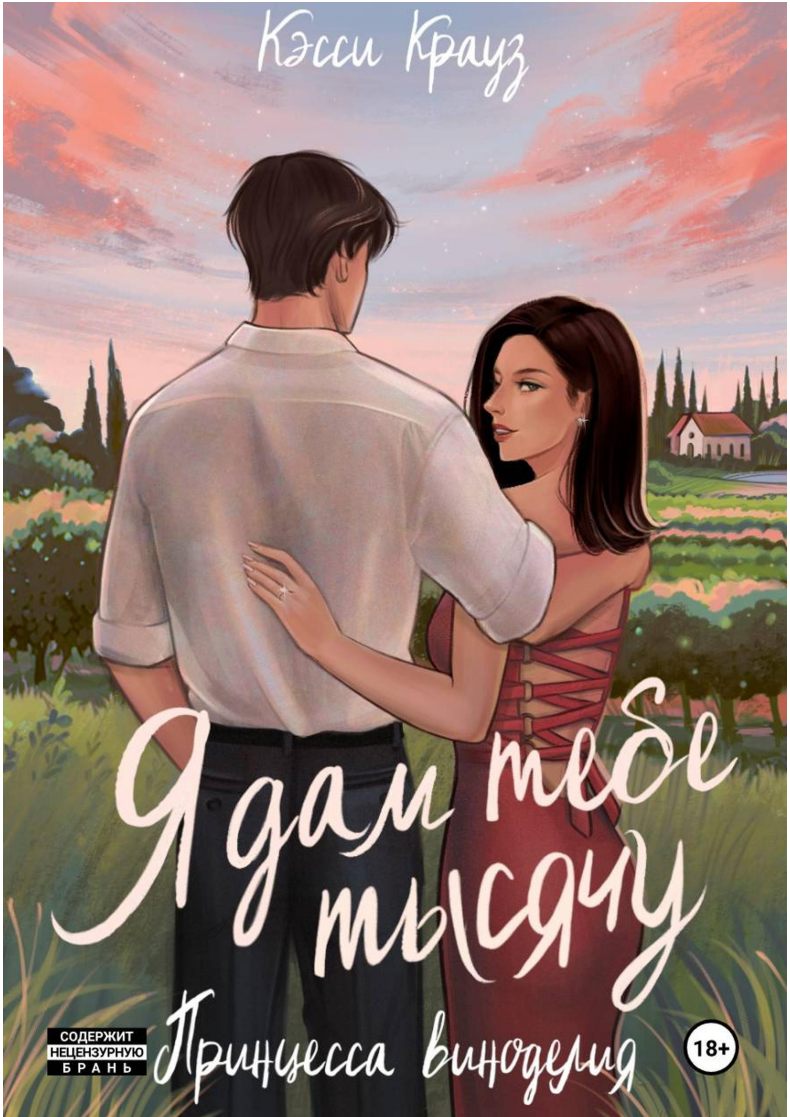

Кэсси Крауз
Я дам тебе тысячу
Принцесса виноделия
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кэсси Крауз

Я дам тебе тысячу. Принцесса Виноделия

https://litres.ru/73794142
SelfPub; 2026

Аннотация

Карла Рейна Аурелио-Лурдес - безупречная марионетка в руках охотников за состоянием Гарсиа.

Она прекрасно знает, как соответствовать чужим ожиданиям и не допускать ошибок.

Фабиан Дельгадо - лишний сын на семейном древе, руками которого свершилось настоящее зло. Он доказал, что запросто сломает чужие судьбы, лишь бы угодить дорогой матери.

Связать этих двоих брачным договором и поселить под одной крышей: план, обреченный на успех.

Или нет?

Что будет, если марионетка перережет свои нитки, а главный злодей сменит полюс своего гнева?

"Тебе придется заплатить даже за золотую ложку, которую мы сунули в твой рот при рождении".

Заключительная часть дилогии "Я дам тебе тысячу"

Иллюстрация на обложке @xenychan

Содержание

Плейлист 4
Часть 1. Lianto 5
Глава 1. Моя идеальная жизнь 6
Глава 2. Ладно, милая, до завтра! 16
Глава 3. Туманный Альбион 25
Глава 4. Поворот не туда 39
Глава 5. Персона из высшего сословия 51
Глава 6. Мама умней? 63
Глава 7. Терпение 76
Глава 8. Ты не одна 87
Глава 9. Один разговор 97
Часть 2. Brotación 112
Глава 1. Бесы вырываются на волю 113
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Кэсси Крауз
Я дам тебе тысячу. Принцесса Виноделия

Сколько стоит твоя ложь?

Плейлист

Los Aslándticos – Que Ganas Tenía De Verte
Gibsy Kings – Soy
Damiano David – Zombie Lady
Sia – Ho-ho-ho!
Alvaro Soler – Volar
Enrique Iglesias – Bailando
AJR – Pretender
AJR – Yes I'm a Mess
Alvaro Soler – El Mismo Sol
Gin Wigmore – Written In The Water
Dua Lipa (Live from the Royal Albert Hall) – Training Season

Часть 1. Lianto

1

[1] Плач лозы (исп.) – первый этап созревания виноградных лоз, когда ранней весной из обрезанных веток выделяется пасока.

Глава 1. Моя идеальная жизнь

Карла. Сейчас

Есть что-то удивительно успокаивающее в выпрямлении волос утюжком. Прядка за прядкой, действия доведены до автоматизма и не требуют вмешательства головы. Крупные капли декабрьского дождя колотятся в круглое окошко ванной комнаты. Не самая сказочная погода для такого праздника, как Рождество, но настроение мы создаем себе сами. В большом зеркале отражаются огоньки, которыми я украсила свою старую спальню в родительском доме.

Мои однокурсники накануне каникул неизменно крутят глобус и улетают туда, куда ткнут пальцем. Вырвавшись из родительских объятий, они берут от жизни максимум: свободные, бурные и страстные. Их будущее еще не написано. В отличие от моего.

На все каникулы и праздники я неизменно лечу из Барселоны домой на Холмы Алтеи и наслаждаюсь тем, что называется статус и финансовые перспективы.

Диплом выпускника Академии Вергара гарантировал поступление в любой из университетов Лиги Плюща, но он мне не понадобился. Папа, ярый борец за независимость Каталонии, посчитал, что лучшее образование даст мне именно родная земля. Мама поддержала, потому что для Гарварда или Оксфорда я мозгами не вышла. А поскольку мне было не

привыкать оставаться в стороне от решений, принимаемых касательно собственной жизни, я спорить не стала.

Декану факультета экономики и бизнеса Университета Барселоны меня рекомендовала сама Клеопатра Дельгадо, звезда своего выпуска. Так что никакого тумана на моем горизонте нет. Винодельням я вряд ли понадоблюсь в ближайшие полвека. Так что, окончив бакалавриат, я для души поработаю немного на какой-нибудь не особенно пыльной должности в «Делинтерпрайзес». Смаргиваю дважды, вспомнив старое название корпорации. Два года прошло.

Медленно поворачиваю головой, проверяя все ли прядки стали прямыми. Теперь я стригусь коротко и больше не ношу кудри, с ними я похожа на ребенка. Странно, почему мне не приходило это в голову раньше. Ведь гораздо красивее и элегантнее, когда вокруг лица не маячит кудрявое черное облако. Так мне сказали.

– Дочка, выезжаем! – в дверной проем просовывается поседевшая папина голова. В нашей семье мужчины вообще седеют очень рано. Впрочем, с такими женщинами, как мы, это неудивительно. Взять хотя бы Великую тетю. Все трое ее мужей плохо кончили, думая, что садятся на винную бочку, а та оказывалась пороховой.

Я завершаю идеальный контур губ бежевым карандашом и промакиваю помаду салфеткой.

– Только одеться, и я готова!

Папа покорно ворчит что-то на каталонском и, намеренно

громко топая ботинками по лестнице, спускается вниз. Видимо, мама продемонстрировала еще более низкий уровень готовности, чем я.

Застегиваю на боку молнию новой черной юбки и поправляю воротничок белой рубашки с широкими рукавами. Обматываю вокруг шеи жемчужную нить, набрасываю на плечи шаль от Dior, хватаю сумочку и сбегаю по лестнице, минуя герб Каталонии, украшающий наш холл, под нервное постукивание папиной пятки об пол. Всю короткую дорогу до места назначения он продолжает тихонько бубнить из-за нашей с мамой нерасторопности. Но мы-то знаем, папа просто боится, что на фуршете не останется его любимых сырных шариков в фисташковой крошке.

Вилла Дельгадо украшена по периметру лишь одной гирляндой, которая, тем не менее, выглядит так же стильно, как и весь этот роскошный дом. Все-таки у Клеопатры отменный вкус. Повожу рукой, и увесистый браслет от Graff сверкает бриллиантами в свете уличных фонарей. Едва моя нога касается тротуарной плитки, как над головой тут же раскрывается зонт встречающего нас лакея: ох уж эти хозяева, продумывающие все до мелочей.

Они закатили настоящий Рождественский раут: нарядные гости и никаких шерстяных носков или свитеров с оленями, игристое в высоких хрустальных бокалах на тоненьких ножках, а не тошнотворный глег или глинтвейн. Никаких пряничных домиков, которые матерят в ночи всем семейством,

а роскошный высоченный крокенбуш. Официанты в белых перчаточках и черных ливреях, накрахмаленные салфетки в золотых кольцах с маленькими веточками остролиста, омела над большим искусственным камином…о да. Я могу восторгаться бесконечно.

– Каталина!

– Клео!

Радостно приветствуют друг друга две главные женщины моей жизни. Дядя Раймонд и мой отец обмениваются крепким рукопожатием, сопровождаемым хлопком сухих ладоней друг о друга.

Вдоль моей талии скользит рука с длинными пальцами и замирает на боку.

– С Рождеством, дорогая, – тихо произносит голос чуть выше моего уха, покрывая шею мурашками. – Готова поиграть?

– Не сомневайся, – ядовито шепчу я.

Спустя пару бокалов и сплетен нас приглашают к столу подле огромной пушистой ели, украшенной лишь мерцающими огоньками. Клео и Раймонд занимают места во главе, мои родители – по обе стороны от них, я и Фабиан – рядом с моей мамой. При этом мы обе уставляемся на свободный стул напротив.

Когда по местам рассаживаются остальные гости, партнеры и акционеры «Делинтерпрайзес» с семьями, дверь столовой приоткрывается, и внутрь проскальзывает опоздавший.

Если бы не веснушки и щетина, которую он упорно выдерживает по несколько дней, Каетано был бы так же безупречен, как и его близнец, упакованный в белоснежную рубашку с бабочкой и сексуальный черный смокинг. Я слышу тихое покашливание прямо перед собой: дочка одного из партнеров только что чуть не поперхнулась слюной. Каетано решительным скорым шагом пересекает столовую и замирает лишь у стульев своих родителей.

– Прости за опоздание, маман, я никак не мог найти запонки, – звучит его певучий голос, и пухлые губы целуют воздух подле щеки Клео. Девушка, сидящая напротив меня, расправляет плечи так, что загорелая грудь едва не выскакивает из декольте.

– Так и скажи, что не сумел застегнуть их, братишка, – подмигивает брату Фабиан, и гости за столом смеются.

– Не могу же я каяться при всех, посмотри, сколько вокруг очаровательных сеньорит, – разводит руками Каетано, и праздничный ужин начинается.

Нам подают вкуснейшие морепродукты, приготовленные в одном из ресторанов «Делинтерпрайзес». Клео не любит домашнюю кухню, так что сегодня мы будем угощаться деликатесами от повара со звездой Мишлен. И это прекрасно, потому что моя новая помада никак не сочетается с куриной ногой или утиным бедром. Я пробую все по чуть-чуть, хотя гребешки божественны и тают во рту, а креветки в сладком соусе сводят с ума одним своим видом.

Во время первой смены блюд нас приглашают перейти в гостиную с огромными окнами, в которые продолжает долбиться неистовый дождь. В углу музыкант за роялем Steinway наигрывает привычные рождественские мелодии, и несколько пар покачиваются музыке в такт. Оборачиваюсь, ища глазами Фабиана: он, конечно же, ведет активную беседу с одним из членов совета директоров. Молодой, умный, успешный и до дрожи в коленях привлекательный. Все знают, что он мой. Только вот я стою в центре этой роскошной гостиной совсем одна, будто бы стала одной из них: женой для выхода в свет.

Оборачиваюсь на звонкий девичий смех, раздавшийся позади, и становлюсь свидетельницей такого позорного флирта в исполнении своей соседки по праздничному столу, что я почти готова броситься ей на помощь.

Она хлопает густо накрашенными ресницами, крутит темные волосы на палец и неустанно поводит головой, демонстрируя тонкую шею. Каетано покорно внимает ее речам, но во взгляде читается знакомая скука. Когда у него звонит телефон, он роняет лишь небрежное «извини», прежде чем уйти.

Я тоже выхожу в светлый холл, переступая с черной плитки на белую, точно по классикам. Тихая возня под главной лестницей привлекает мое внимание. Притаившись за колонной, я становлюсь невольной свидетельницей чужой безудержной страсти. Это чьи-то дети, те самые, которые во вре-

мя светских раутов сбегают от родителей, чтобы насладиться мгновениями наедине друг с другом, от которых тянет внизу живота, а жар приливает к щекам.

Я смотрю, как руки девушки сжимают воротник рубашки парня, как он запрокидывает ее голову и страстно впивается в шею. С ее губ срывается тихий стон, и я спешу ретироваться до того, как он запустит пальцы ей в трусики.

Ноги сами выносят меня в тихую часть дома Дельгадо: маленькую «непарадную» кухню со стеклянными стенами. Я помню уютный зеленый садик, где мы вчетвером когда-то смотрели мультик «Геркулес». Сейчас этот садик пуст: ни качелей, ни листьев, ни цветов, ни жизни. Только дождь, вознамерившийся устроить второй всемирный потоп.

– Расскажи мне. Не будь такой колючей, – слышу я тихий знакомый голос и на цыпочках отступаю от двери, чтобы вжаться в стену и немного погреть уши. Ничего не могу с собой поделать. Хочу знать, с кем разговаривает Каетано.

– В бар?.. А потом?.. Очень смешно, ха-ха, я надорвал живот… да, да, я знаю… еще один вопрос и все… какое выбрала платье?

Тихий полный нежности смешок. Мое сердце замирает. Три года я его не слышала. Потому что *так* Каетано улыбался лишь одной.

А потом он говорит:

– Ладно, милая, до завтра.

Я прикрываю глаза. Стало быть, это не она. Каетано Дель-

гадо снова влюблен. Якорь, удерживающий его в объятиях трехгодичной давности, выпущен из рук. Жизнь продолжается.

Делаю шаг от кухни, и Каетано почти тут же налетает на меня.

– Карла?! Черт, тут темно, прости, я тебя не заметил! – выпаливает он, ловко поймав меня за плечи. – Ты что-то хотела?

– Мне стало душно в гостиной, а у вас под главной лестницей случился всплеск подростковых гормонов, так что пришлось оттуда ускользнуть.

– Понимаю. Надеюсь, обойдется без пятен, – усмехается Каетано, и я вместе с ним.

Мы возвращаемся в столовую как раз вовремя. Гости рассаживаются, а официанты уже выносят горячие блюда, накрытые клошами.

– Вот и ты, дорогая! – приветствует меня Фабиан, когда я опускаюсь на стул рядом с ним. – Я успел соскучиться.

– Да прям, – шепчу я, чтобы никто кроме него не услышал. – Весь вечер облизывал чужие задницы.

Фабиан прищуривается, подбирая ответ подостойнее.

– Я реабилитируюсь, потерпи.

Официант ставит перед нами блюда, но клош снимает лишь с блюда Фабиана. Я в недоумении взираю на аппетитный стейк тунца со спаржей на его тарелке и тянусь к своему клошу, но Фабиан удерживает мою руку и поднимает свой

бокал, привлекая всеобщее внимание.

– Дорогие гости! Я прошу у всех вас пару минут внимания, – люди вокруг замолкают, устремляя на него заинтересованные нетерпеливые взоры: всем охота поскорее отведать аппетитно пахнущую рыбу. – Сегодня, в этот прекрасный праздничный вечер, я хочу поднять бокал за своих родителей. Поблагодарить их за ту удивительную жизнь, которую я имею честь и удовольствие проживать. Мама, папа, я вас люблю! Каи, моя дорогая половина, – подмигнув, улыбается брату, чем вызывает одобрительный смешок у собравшихся за столом, – вы прекрасная семья. Но пора мне…

Его пальцы легонько сжимают мои, и я понимаю все.

Трахни мою жизнь.

– Создать свою.

По всей столовой прокатывается единый женский вздох умиления и предвкушения. Клош передо мной взмывает в воздух, оставляя на тарелке бирюзовую коробочку от Tiffany.

– Карла Рейна Аурелио-Лурдес, не окажешь ли ты честь стать моей женой?

Коробочка открывается, обнажая платиновое кольцо с бриллиантом в два с половиной карата.

Роскошнее этого кольца я в жизни ничего не видела.

Мое будущее. Мой статус. Моя новая жизнь, в которой все решили за меня.

– Да! – отвечаю я кольцу под всеобщие одобрительные ап-

лодисменты. Фабиан поднимает меня на ноги и окольцовывает мой безымянный палец. Элегантным жестом подносит к губам мою левую руку, а после привлекает меня к себе.

– Не слишком вычурно, дорогая? – ехидно шепчет он.

Немея от злости, я сжимаю воротничок его рубашки. Со стороны это выглядит, как трудно контролируемый порыв страсти.

– Все это ерунда, – почти рычу я около его приоткрытых губ, – главное, что я всем сердцем, всею душой, каждой клеточкой своего тела…

– Да-да? – Фабиан подается еще немного ближе.

– Тебя ненавижу!

– Это глубоко взаимно, дорогая, – отвечает он и накрывает мои губы своими, оставляя на них ничего не значащий для нас обоих поцелуй.

Когда я обвожу блестящими от слез глазами поздравляющих нас гостей, Каетано всего на короткую секундочку, которую я все же успеваю заметить, закатывает глаза.

Гости поднимают бокалы за нашу пару, и сквозь звон хрусталя я слышу его.

Тихий, но отчетливый щелчок.

Это захлопнулась дверца моей золотой клетки.

Глава 2. Ладно, милая, до завтра!

Каетано. Сейчас

– Свадьбу сыграем в июне. Нет ничего лучше свадьбы в июне! – мурлычет довольная маман, устраиваясь поудобнее среди диванных подушек с бокалом красного вина. – У нас есть полгода, чтобы все-все подготовить. У вас есть какие-то пожелания по месту? Может быть, Мадрид?

– Клеопатра, при всем уважении, – подает голос отец Карлы. Он уже изрядно нализался виски, и теперь его лицо пылает подобно полосам на испанском флаге, а голос звучит слишком резко. – Мы каталонцы. Члены нашей партии победили на парламентских выборах за отделение от Испании в 2012 году. Да, наша независимость была признана незаконной, как и в 2017 году. Пусть так. Но наш дух не сломлен, и мы никогда не совершим ничего значимого за пределами нашей автономии. Тем более, в Мадриде, – пренебрежение, с которым он выплевывает название города, вызывает у меня улыбку. Я топлю ее в стакане джина.

– Понимаю, понимаю, – кивает ничего не понявшая маман. – Тогда Барселона?

– Идеально, – мяукает мать Карлы.

В столовой слышится звон: похоже, один из официантов уронил приборы. Маман раздраженно закатывает глаза и делает в телефоне заметку: уменьшить при расчете размер чае-

вых. Она ненавидит неуклюжих неудачников.

Дорогого стоит наблюдать за новоиспеченными женихом и невестой. Они сидят по разным сторонам дивана и даже не смотрят друг на друга. Кольцо Карлы валяется на стеклянном подносе рядом с ее бокалом игристого.

Они давно перестали притворяться перед нами. Сейчас, в этой комнате, находятся те единственные, кто знает: за этим браком не стоит ничего, кроме расчета.

Два года назад не только я потерял свою любовь. Фабиан оказался следующим. Он думает, что все контролирует. Но я-то знаю, его проигрыш будет сокрушительнее моего. И он сам в этом виноват. Он заслужил. Как и эта меркантильная девчонка с воображаемой короной на голове. Жадная до чужих денег, как и вся моя семья.

Фабиан закидывает ногу на ногу и отпивает виски. Он страшно доволен собой. Еще бы. Весь «Делинтерпрайзес» будет гудеть громче пчелиного улья, обсуждая свадьбу года, если не десятилетия. Спустя шесть месяцев Фабиан приведет в семью древнейшие винодельни и статус семейства Лурдес.

– Каетано, а как у тебя на личном фронте? – интересуется сеньора Аурелио-Лурдес. Какое счастье, что у нее только одна дочка.

– Спрашиваете о наболевшем, Каталина, – обреченно вздыхает маман, театрально прикладывая ко лбу руку. Мать Карлы понимающе вздыхает. – Чем больше детей, тем боль-

ше от них головных болей. – Пауза. – Ха-ха! Это шутка, мои дорогие, это шутка!

Нет.

– Каетано обязательно встретит ту самую.

– Или будет тем самым дядей-холостяком, который травит небылицы и балует племянников, – вякает Фабиан.

– Думаешь, у вас и до фиктивных деток дело дойдет? – я невозмутимо поднимаю брови.

Карла вздрагивает и рикошетит мгновенно. Это поразительно, ведь она продолжает его защищать.

– Вообще-то, я думаю, вы напрасно переживаете, Клео, – воркует она, – краем уха я слышала, что у Каетано завтра свидание.

– Что-что?! – маман едва не выпрыгивает из своих подушек. На меня обрушивается шквал вопросов о подноготной моей избранницы, фамилии, внешности, образовании и цвете любимых трусов.

– Маман, сегодня не мой вечер, – я изображаю деликатную улыбку, – не уверен, что будущим родственникам Фабиана интересна моя личная жизнь. Думаю, самое время обсудить переезд.

Получай, принцесса виноделия. Будешь знать, как греть уши там, где тебе не следует. Ее лицо вытягивается, принимая выражение полнейшей растерянности. Карла не знает, на кого смотреть и с кем разделить свое удивление.

Ни с кем.

– Мы купили вам квартиру в самом центре Барселоны, дорогая! – радостно сообщает маман. – Свадебный подарок от семьи Дельгадо.

Купленный на деньги Гарсиа, разумеется. Все об этом знают, но никто и слова не говорит.

– Нам предстоит еще и совместный ремонт? – севшим голосом интересуется Карла.

– Не о чем беспокоиться, дорогая, мы уже обо всем позаботились! – заверяет маман. – Переедете сразу после нового года.

– Святая Дева Мария, да они же друг друга поубивают! – бубнит отец Карлы, но выходит не слишком тихо. Все это слышат, и я не могу сдержать смех.

Было бы славно.

– Диего! – вспыхивает Каталина. Но в нем сейчас достаточно алкоголя, чтобы игнорировать свою жену.

– Почему бы не дать детям возможность еще полгода пожить спокойно? – недоумевает он.

– Им нужно налаживать совместный быт, – возражает маман.

– Быт? Моя дочь в жизни сковородку в руках не держала! – посмеивается сеньор Аурелио.

– Она и не должна держать сковородку, сеньор, – возражает мой брат. Его слова звучат слишком резко, но Диего уже не замечает этого. Замечает маман. Фабиан свое получит, когда все разъедутся.

Это отвратительно. Все, что происходит здесь, отвратительно. Я подрываюсь с места и спешу со всеми попрощаться. Карла подложила мне свинью, нужно время, чтобы придумать, как все правильно обставить.

Нет никакого смысла надеяться, что маман забудет о моей новой девушке. Весь следующий день она терроризирует меня вопросами. Я упорно игнорирую все до единого, но, когда она сует нос в мою комнату, уже не выдерживаю.

– Маман! Еще один вопрос, и я порву с ней сию же минуту, только бы ты успокоилась! Пожалуйста, не вспугни! Я только начал жить. Дай мне время, прошу тебя. Я обязательно вас познакомлю.

Это именно то, что она хочет услышать.

Вечером я принимаю душ, надеваю новую рубашку и серое пальто от Hugo Boss, подаренное маман. Даже сбриваю щетину. Уже на пороге она перекрещивает меня парфюмом от Tom Ford, и я едва не задыхаюсь от крепкого аромата ванили и табачного дерева.

– Какой же ты у меня красивый. Самый лучший мальчик. Безупречный! – заключает маман, крепко стискивая мои плечи. Я всегда буду ее любимым сыном. Даже несмотря на то, что Фабиан принесет в семью винную империю.

Спиной чувствую, как она провожает меня взглядом до моего Универсала и отмечает в голове, что ее любимому мальчику пора обновить машину. Выруливаю на дорогу и даю по газам. На скорости пролетаю через Холмы Алтеи и по

трассе гоню в Бенидорм. «Солнце в ночи» – лучший рыбный ресторан на всем побережье, гордость покойного Андреса Гарсиа. Забираю у бара крафтовый пакет со своим заказом, обмениваюсь парой слов с администратором и шагаю обратно в машину.

Уверен, он позвонил маман еще до того, как я завел двигатель. Теперь она заинтригована моей новой девушкой еще больше. Ведь я забрал нам еду на вынос и лишил маман возможности получить ее словесный портрет из третьих, купленных, уст.

Я снова выезжаю на трассу. Еду до тех пор, пока не добираюсь до общественного пляжа Кап Негрет. Он пуст и брошен: в холодный декабрьский вечер сразу же после Рождества никого не тянет пошататься вдоль воды и вынести с пляжа рот и волосы, полные песка.

Паркуюсь на площадке, откуда сквозь тусклые облысевшие деревья отлично просматривается море: унылое и серое, как ртуть.

Только разжав руль, понимаю, как сильно был напряжен. Вытаскиваю из пакета чек и прячу его в бардачок, точно случайно забытую улику. К еде не притрагиваюсь: просто выставляю ее за порог машины. Хочу, чтобы из моего салона поскорее выветрился запах «лучшего ресторана на всем побережье». Вранье. Лучшим он был два года назад.

Вытаскиваю из кармана телефон, меняю в нем сим-карту и набираю номер, который знаю наизусть.

Пара гудков. Я закрываю глаза, надеясь услышать тот самый голос. Хотя бы сегодня. Только сегодня. Пожалуйста.

– Ола! – звучит привычное раздраженное приветствие. Не сегодня.

– Ты одна?

– Нет.

Я невольно улыбаюсь, прислушиваясь к жизни по ту сторону телефона. Шумит вода, друг о друга стучат тарелки и…

– *Хо-хо-хо! Тащи бутылку рома!*

Хо-хо-хо! Сливки и бурбон!

Хо-хо-хо! Сюда бутылочку спиртного!

Терять нам нечего хо-хо-хо!

Поет нежный веселый голосок, от которого в моем теле лопается огненный шар. Я прикрываю глаза и тихонько подпеваю, пока моя собеседница милостиво молчит. Почти вижу *ее* на маленькой кухне, хлопочущей у раковины, полной грязной посуды, всем телом отрывающейся под Ho-ho-ho! певицы Sia.

Она не поняла, кто звонит.

– Все, достаточно, – обрывает меня собеседница, – считай, это мой рождественский подарок.

Игриво напевающий голосок на заднем фоне удаляется, и я понимаю, что меня вместе с телефоном уносят от него подальше.

– Прекрати звонить так часто! У нас не такая насыщенная жизнь, чтобы трепаться о ней по телефону каждый вечер.

– Извини, – вздыхаю я, – все хорошо?

– Да.

– Офелия.

– Да, я получила деньги, все нормально, Каетано, – она начинает злиться, как и всегда, когда речь заходит о деньгах, – спасибо.

– Ладно. Будем прощаться.

– И? Я жду двою коронку. Кстати, хотела тебе сказать. Какую бы игру ты не вел, невозможно на протяжении двух лет звать милой ту, кого ни разу не видела твоя семья. Это подозрительно. Найди себе подменную девчонку в Испании, пока не вернул настоящую.

– Ты права. Но где такую взять? Маман расколет любую.

– Только не ту, кто уже пострадал из-за нее.

– О ком ты?

– Ты помнишь Летицию Ловего?

Я хмурюсь, уставившись на серую полосу горизонта.

– Сеньор Ловего был доверенным лицом Андреса Гарсиа. Моя семья первым делом выперла его из компании.

– Лети – его дочь.

– Хорошо. Дашь мне ее номер?

– Она работает у вас администратором, идиот. Просто спустись на первый этаж.

– Я даже не знал… – растерянно отвечаю я.

– Ты многого не знал, – отрезает Офелия. – Считай это моим вторым рождественским подарком.

Я грустно усмехаюсь и говорю:

– Ладно, милая, до завтра.

– Ладно, милая, до завтра! – передразнивает меня Офелия и вешает трубку.

Ладно, милая до завтра.

Короткая фраза, которой я завершаю каждый наш разговор на случай, если кто-то станет греть уши. Вчера она буквально спасла мою шкуру. От Карлы, которая все неправильно поняла, и мне пришлось разыграть весь этот глупый спектакль о свидании. Но Офелия права. Маман не уймется, пока не удостоверится, что ее ненаглядный сынок отпустил прошлое. Именно это мне и нужно.

Я поговорю с Летицией после праздников.

А пока я нахожу в телефоне нужную песню, и салон Универсала заполняется радостной рождественской мелодией Ho-ho-ho! Но голос Sia я не слышу. В моей голове звучит она.

Я закрываю глаза и устремляюсь к ней в Лондон всем своим существом.

Существом, которое ее не уберегло.

Глава 3. Туманный Альбион

Офелия. Тогда

Я знала, что он позвонит. Понимала, что разговоры с ним – это часть моего долга, и в ближайшие два года я от него не отделаюсь. Мне хотелось помочь Каетано, потому что я всю жизнь провела под одной крышей со лжецом и могла распознать ему подобного за метр. Каетано таким не был. Его обманула собственная семья.

Смотрю на входящий звонок и не решаюсь взять трубку. Я стою на руинах разрушенного королевства, невольно втянутая в чужое горе. Люция возится на маленькой кухне с видом на водосточную трубу и кусочек неба, стараясь заглушить грохотом тарелок свои рыдания. Ноэль пытается распаковать чемодан, но у нее неважно получается: она уже полчаса сидит на полу своей новой комнаты и гипнотизирует взглядом деревянный пол. Почему-то я решаю, что хуже уже не будет, и принимаю вызов.

– Привет.

– Вы добрались? Как квартира? – сразу же кидается Каетано с вопросами. Слишком явно, он сильно палится. Он и сам это понимает, быстро замолкая.

– Мы прилетели, разбираем вещи. Тебе следует быть осторожнее. Представь, что говоришь с другом или с каким-нибудь акционером, – пробую подсказать я.

– Сам знаю, прости.

– Хочешь… хочешь я дам ей трубку? – неуверенно интересуюсь я.

– Да! Да, пожалуйста, да.

– Сейчас.

Спрыгиваю с кровати, на которой лежит пока лишь матрас и моя толстовка, и направляюсь в узкий длинный коридор, откуда заворачиваю в соседнюю спальню, где так и сидит на полу Ноэль.

– Эли… – тихо зову я. Она вздрагивает, подняв на меня зареванные припухшие глаза с полопавшимися капиллярами. Я опускаюсь рядом с ней на колени и протягиваю ей телефон. – Это Каетано. Поговоришь с ним?

Карие глаза широко раскрываются. Очень медленно она тянется к телефону и прижимает его к уху.

– Каи, – только и может прошептать Ноэль.

На том конце линии плотину просто прорывает. Я сижу рядом, так что мне все отлично слышно. Каетано в потоке своего отчаяния забывает обо всем: об осторожности, о сдержанности и о том, что их с Ноэль отделяет неисправимое расстояние. Они не окажутся рядом ни сегодня, ни через год. Я успела понять, что Ноэль потеряла право на контроль над «Гарсиа Интерпрайзес» из-за того, что один из филиалов открылся в Пуэрто-Рико, где совершеннолетие наступает в двадцать один год.

Их отделяет два года в лучшем случае. Это настоящая

пропасть. Слезы катятся по щекам Эли одна за другой, ее колотит от беззвучных рыданий, и я вижу, что признания в любви Каетано причиняют ей сейчас почти физическую боль.

Этот разговор погубит их обоих. Так что я выхватываю телефон из дрожащей руки Ноэль и, пока не стало слишком поздно, отключаю вызов.

Из ее груди вырывается рыдание, которое раздирает мою душу на куски. Взвыв от отчаяния, Эли утыкается лицом в ладони и плачет навзрыд. У этого горя, как будто бы и нет конца.

– Я ненавижу любить его! Ненавижу! – вскрикивает она.

– Он все исправит, обязательно, – пытаюсь успокоить ее я. Телефон снова надрывается от входящего звонка, так что я отключаю звук и отталкиваю его подальше в пыльный угол. – Каетано очень сильно тебя любит. Вот увидишь, – приговариваю я, думая, что делаю все правильно. Глажу длинные золотистые локоны Ноэль, ощущая, как она трясется под моими руками. Думаю, что от слез, но оказывается, что дело не в них.

– А что ты скажешь мне на то, что наша встреча не была случайностью?! – севшим от злости голосом спрашивает Ноэль. Ее душат рыдания, но она перебарывает их, чтобы говорить дальше. – Каетано познакомился со мной, потому что этого хотел его отец. Он знал, где меня искать. Если бы не сеньор Дельгадо, мы могли бы никогда не встретиться с

Каетано, и мой папа сейчас был бы жив. Но беда в том, что я *уже* бросилась ему под колеса, *уже* отдала ему свое сердце и продолжаю считать его любовью всей своей жизни, а мой папа лежит в могиле! И никто его оттуда уже не достанет!

Руки Ноэль дрожат от накатившей истерики, когда она стискивает кулон на своей шее.

– Я ненавижу любить Каетано! – рычит она, не обращая внимания на потоки слез, бегущие по ее пылающим щекам. – Потому что не могу перестать! Несмотря на все то, что натворила его семья! Если бы не они… мой папа сейчас был бы жив, ты понимаешь это, Офелия?! Каетано отпустил меня, чтобы они не убили и меня тоже. А он остался с ними. Там! И я ничего не могу с этим поделать! – Ноэль кричит так, что у меня звенит в ушах, а из кухни прибегает всполошившаяся Люция.

Она подлетает к Ноэль и сгребает ее в свои объятия. Уткнувшись лицом в полную грудь своей бывшей домоправительницы, Эли разражается самыми горькими слезами в моей жизни.

– Офелия, детка, думаю, нам на какое-то время стоит убрать ножи и стекло, – тихо говорит мне Люция. Зеленые глаза, изможденные болью за свою подопечную, договаривают остальное.

Нам предстоит настоящее побоище. Где-то далеко-далеко впереди. Но пока, все, что у нас есть, это кучка рассыпавшегося пепла. И я не знаю, каким чудом из него должен возро-

диться феникс. Снова.

Ноэль приходилось делать это дважды. И, глядя на нее сейчас, я не знаю, захочет ли она вновь восстать из пепла всем смертям назло.

Офелия. Сейчас

В разорении моего папаши не было ничего удивительного. Рано или поздно нашелся бы человек, достаточно наглый, чтобы обобрать его до нитки. Только я не думала, что им окажется Раймонд Дельгадо. Он действовал методично и регулярно, всякий раз, когда они собирались за покерным столом. Усыплял бдительность папаши довольно крупными выигрышами в течение нескольких месяцев, чтобы в один вечер забрать у него все деньги, будь они прежде выиграны, заработаны в счет спекуляций на бирже или приняты в качестве подачек от одного магната.

Мой отец испортил все сам, без посторонней помощи.

Но это никак не должно было случиться с Ноэль. С самой жизнерадостной девчонкой на всем побережье. Уверена, она не знала и половины того, чем занимался ее отец. Сколько людей в Испании и за ее пределами боготворили его.

Да за счет сеньора Гарсиа обучалась четверть студентов Академии Вергара. Он давал работу, медицинские страховки и гарантии светлого будущего. Я лично знала минимум троих, кто учился по его стипендии. Он никогда не бросал тех, кого однажды начинал опекать. Я знаю, о чем говорю. Он не оставил меня, когда выяснил, что птичников покрывал

мой отец. Птичников, убивших его сына и похитивших дочь.

Я была так слепа. Столько лет по нашему дому сновали посторонние люди. Они могли заявиться поздно ночью или рано утром. Совсем необязательно в день похищения. Съесть все запасы из холодильника, перепачкать полотенца и оставить после себя батарею из пивных бутылок. Я была уверена, что это папины коллеги по карточному столу. Потому что после их ухода у нас появлялись деньги. Большие деньги. Которые заканчивались так же неожиданно, как и появлялись.

Если бы эти люди равнялись фигурам на шахматной доске, птичники были бы пешками, мой папаша – ладьей, а неизвестный, переводивший ему деньги после каждого похищения, – ферзем. Кто был этот человек? И был ли среди фигур король?

С этими вопросами на порог нашего дома заявился никто иной, как Лукас Кортес. Он размахивал пачками купюр и требовал фамилии от моего отца. Кучерявый придурок, который хвостиком бегал за близнецами Гарсиа и этой дурой с винодельни. Кто мог подумать, что именно он разоблачит моего папашу?

Лукас не просто обвинил его в связи с птичниками. Он намекнул на то, что папаша виноват в смерти Ноя. Этот идиот даже не понял, что шквалом своих обвинений поставил меня на колени перед семьей Гарсиа. Я училась за их счет, но не имела никакого на это права. Я оказалась в вечном

долгу перед Андресом Гарсиа. Конечно, мой папаша что-то сообщил Кортесу. Что, мне не было известно. Но это явно не порадовало кудряшку. Он покидал наш выставленный на продажу дом с опустошенным лицом и карманами.

В ту же ночь мы покинули Алтею, а сеньор Гарсиа разбился на вертолете.

Это был мой шанс.

Жить дальше у престарелой тетки в Бильбао вместе с пьющим неудачником, неспособным зарабатывать ни на чем, кроме собственной удачи, я не собиралась.

Мама усвистела во Францию в поисках лучшей жизни и мужчины, когда мне было только пять. Я и мой десятилетний брат Алфредо оказались перевесом в чемодане ее жизни, так что она благополучно скинула нас за борт. И мы неплохо жили втроем, пока папаша не стал играть, как черт. Алфредо убыл в Лондон, едва в его руках оказался аттестат об окончании Академии Вергара. Из нас двоих за счет отца учился только он.

Все дети, выросшие на Холмах Алтеи, имели трастовый фонд. У нас с Алфредо он тоже был, только на троих с папашей. И тот не успокоился, пока не выдоил его до последнего цента на свои отвратительные картежные вечера, которые организовывал прямо на нашей вилле.

Пока другие семьи устраивали в патио барбекю, в нашем делались ставки, а я запирала окна и двери своей спальни, чтобы никто из папашиных гостей меня не изнасиловал по

пути в туалет.

Я собиралась последовать доброй семейной традиции и оставить нашего папашу разбираться с долгами в одиночку. Мне не было его жалко. Я не хотела быть, как он.

Каетано дал мне номер Люции, и мой звонок застал их с Ноэль на пересадке в аэропорту Бордо. Они собирались в Италию, Рим, к какой-то подруге Люции, но я убедила их поменять билеты и направление.

И вот уже три года мы, по моей милости, втроем гнием под проливными дождями Туманного Альбиона.

Алфредо с планами на жизнь не мелочился и открыл свой ресторан в Сохо, тусовочной артерии Лондона. «Жардин» сочетал в себе, казалось бы, несочетаемые между собой прокуренный брутальный лофт и нечто родное, солнечное и южное. Дубовая барная стойка на хромированных столбах удачно контрастировала с махровой зеленой стеной, в которой, точно светлячки, ютились крохотные лампочки. Огромное окно во всю стену днем пускало в себя все солнце, которое только было в Англии в декабре, а ночью источало жар и буйство испанского сада, заманивая к себе околевших от холода странников Сохо.

Сначала Ноэль наотрез отказалась здесь работать. О доме напоминало все: начиная с морды Алфредо и заканчивая сангрией, которую бармен Стефан мешал даже в Сочельник.

Но Люция считала иначе. Держаться за рукав Испании, пока не будет найдена дальнейшая дорога, было лучшим ре-

шением на ее взгляд. Она выучила наизусть рецепты «Жардин» и подменяла Алфредо в статусе шеф-повара, пока тот планировал открытие второго ресторана.

А в свободное от этой работы время она помогала в цветочном магазине через дорогу. Рыжеволосая испанская донна смотрелась очень забавно рядом с молоденькими продавщицами букетов для первых и последних свиданий в Сохо. Они прикладывали к цветам презерватив, она – пакетик подкормки для цветов. В перерывах они сидели в Тиндере, она – в кресле с кроссвордом из Times.

Я зову ее Пресвятая Люция.

Начнем с того, что она вообще не обязана была уезжать. К ней семейка Дельгадо никаких претензий не имела. Разумеется, с нее же нечего было взять. Но она продемонстрировала преданность, сравнимую разве что с Хатико или Бейли-Бейли-Бейли из «Собачьей жизни»[2], последовав в ссылку за фамилией, которой служила больше двадцати лет и от которой осталась всего одна девчонка.

В конце концов, и эта девчонка приняла из рук моего братца фартук официантки и стала покорно выходить на смены вместе со мной. Алфредо поселил нас в своей старой квартире над «Жардин», так что мы до костей пропитались бурной жизнью Сохо.

Ноэль не захотела жить по фальшивым документам, что-

[2] Душераздирающий американский фильм о преданности и дружбе собаки и человека (реж. Лассе Халльстрем).

бы оставаться невидимкой для Дельгадо, так что официально учиться в университете она не могла, а я не захотела. Каетано оплачивал нам обеим репетиторов по выходным, чтобы мы не отставали в учебе и не шатались по клубам от рассвета до рассвета. Я пыталась выдать это за помощь Алфредо. Как и еженедельные сеансы у лучшего психотерапевта Лондона. Но Эли быстро поняла, кто за этим стоит.

Она пыталась с ним разговаривать. Но каждый телефонный звонок заканчивался слезами, истерикой и побегами в попытках себе навредить. Первые полгода в Лондоне были настоящим безумием, пока психотерапевт, доктор Литл, не взял ситуацию под свой контроль. Ноэль травила себе душу звонками, и доктор посоветовал свести их к минимуму. Потеря отца, расставание с любимым и разлука с домом и друзьями, расшатали психику бедной Эли, словно первый молочный зуб во рту ребенка.

Ей нужно было заново научиться крепко стоять на ногах. Перестать травить себе душу. Рваться к боли за облегчением. Это должно было прекратиться. Так что врач принял единственное верное, на мой взгляд, решение: сделать их разговоры частью терапии. Ноэль и Каетано могли общаться только на его сеансах. Это не травмировало их отношения, но в то же время позволяло контролировать состояние Ноэль.

Когда Каетано звонил мне, она могла сидеть рядом, слушая его голос на другом конце линии, жадно глотать каждое

слово и ничего не отвечать. Я привыкла быть их связующим звеном. Это стало нашим общим сражением.

Медленно, тяжело и больно жизнь стала входить в новую для всех нас колею.

Когда-то мы были детьми тех, кто владел ресторанами, отелями и домами. Мы учились в частной академии, плавали под началом лучших тренеров страны. У нас было все и даже больше, чем просто все. И мы не собирались терять даже толику того, чего нас лишила одна единственная семья. И говоря «мы», я говорю просто так, для красоты слова. Мне не жаль потерь своего папаши. Но Эли была девчонкой, которая любила жизнь больше, чем кто-либо, кого я знаю. И дело было вовсе не в деньгах.

Теперь я это понимаю. Дело было просто в жизни. В самом факте присутствия на земле. Сегодня, завтра и вчера. Ноэль любила именно жить. И хотя жизнь лопатой лупила ее по лицу смерть за смертью, она все равно ее любила. Просто за возможность дышать.

И Глядя, как Ноэль оживает после потери отца и состояния, и разлуки со своей первой большой любовью, я понимала, что еще не придумано то, что способно сломить ее волю.

– Фео, рискуешь лишиться столика у окна! – слышу крик Ноэль из-за двери. Черт, я совсем потеряла счет времени.

Спрыгиваю с кровати своей микроскопической спальни три на три метра, хватаю черный фартук и несусь по узкому коридору к дверям. Пятки Ноэль в поношенных конверсах

уже сверкают за порогом, но я в жизни не уступлю ей столик, за которым оставляют самые щедрые чаевые.

Мы пихаемся локтями, пока несемся вниз по узкой лестнице, прыгая через три ступеньки. Грохот нашей погони слышен всем соседям. Но за три года они успели привыкнуть к тому, что мы устраиваем соревнование из любой ерунды. Из бассейна нас выгнали, но дух соперничества не выветрил никто.

– Кто первый до двери, того и стол! – ору я, когда Ноэль вылетает на улицу под начавшийся снегопад. Белые пушистые хлопья вгоняют ее в секундный ступор: забывшись, она подставляет ладонь под крупную снежинку, а я проношусь мимо с победным воплем и первой врываюсь в «Жардин».

– Погода сегодня – la belleza! – радостно сообщает Ноэль всему ресторану. Говорим мы по-английски, но у нее выходит это гораздо хуже, чем у меня. Если я спрошу, где туалет, мне на него и укажут, а Ноэлите, которая упорно изобретает свой собственный язык, укажут на дверь[3]. Но посетители все равно ей улыбаются и провожают глазами.

Маленькая, сияющая улыбкой блондинка, готовая быть везде и всегда. Но она перестала носить голубой и бежит стричься всякий раз, когда волосы отрастают ниже плеч. Ее гонка не останавливается.

Короткий светлый хвостик, перевязанный черной ленточ-

---

[3] Туалет на испанском звучит, как inodoro, что созвучно английскому слову door, дверь.

кой, маячит на уровне моего подбородка, пока мы друг за дружкой выносим подносы из кухни. Сразу после Рождества клиентов не очень много, в основном друзья Алфредо, так что ближе к полуночи Ноэль отправляется к Стефану за барную стойку.

Видели бы ее сейчас мамаши из яхт-клуба! Она в совершенстве освоила шейкер и теперь готовит коктейли ничуть не хуже Стефана. Я сняла на видео, как она готовит «Джин мул» для одного из посетителей бара. Как ловко перебирает пальцами джигер, отмеряя джин и сахарный сироп, как откидывает со лба светлую прядку, давя мадлером дольки имбиря, как весело смеется над тупой шуткой Алфредо, взбивая в шейкере лед. Ставлю почку, Каетано всю ночь проворочается от возбуждения, когда это увидит.

– Это вам, сэр-сеньор! – воркует она на отвратительном английском, пододвигая хайбол широкоплечему темноволосому парню, облокотившемуся локтями о барную стойку.

– Я не стала украшать вам коктейль лаймом, а то ваше лицо и без того слишком кислое! – заявляет Ноэль. – Только un poco имбиря для профилактики гриппа!

Поражаюсь, как она вообще не сломала себе язык на такой длинной фразе. Но она еще не закончила. Когда я отправляю Каетано видео, Ноэль выдает:

– Я добавила в коктейль тот самый Лондонский джин, на который вы пялитесь весь сегодняшний вечер, сэр-сеньор!

Ноэль улыбается, как и всегда, взмахивает коротким хво-

стиком и возвращается к работе: двум «Голубым лагунам» для моего столика с самыми большими чаевыми.

– Весь сегодняшний вечер я пялился не на джин, – говорит незнакомец, медленно прокручивая в руке хайбол. Ноэль оборачивается на его голос, а у меня сердце катится кувырком. – А на вас.

Ноэль растерянно хлопает ресницами, а я замираю с блокнотом в руке.

– У вас отвратительная память на лица, – продолжает незнакомец за барной стойкой, – меня зовут Клето Морено. И я здесь, чтобы вернуть «Гарсиа Интерпрайзес» его истинной хозяйке.

Глава 4. Поворот не туда

Карла. Сейчас

Происходящее кажется совершенно логичным. Молодые люди, планирующие брак, начинают жить вместе. Их зубные щетки становятся в один стакан у раковины, а трусы сожительствуют в одной гардеробной. Они вместе засыпают и просыпаются, видят друг друга без лоска со всеми изъянами и недостатками. Они проводят вместе вечера и каждый день находятся в поле зрения друг друга.

Какой кошмар.

Жить под одной крышей с человеком, которого презираешь всей душой – тяжело, но еще тяжелее – жить с тем, кого ты когда-то любил больше всех на свете. До сладкой боли в сердце, до искр из глаз, до безумия, до отчаяния. С человеком, который уничтожил все, что ты когда-то любил. Два года назад, выбрав Фабиана, я потеряла Ноэль и Лукаса, лишилась авторитета у своей чирлидерской команды «Львиц». Самое главное, ничто из этого не заставило меня о своем выборе пожалеть.

Я пожалела о нем позже. Когда Дельгадо возглавили «Гарсиа Интерпрайзес». Когда я узнала, что была спланирована не только любовь Каетано и Ноэль, но и моя.

К роскошному особняку 1900-х годов на улице Пасео де

Грасиа[4] я подъезжаю второй. Голубые ставни на огромных частых окнах, лепнина на отреставрированном фасаде, маленькие симпатичные горгульи с фонарями, зажатыми в пастях. Я удивлена, что для своей невестки матушка Дельгадо выбрала такое знаковое для Барселоны место. Пасео де Грасиа, да и вообще сам район Эшампле[5], был моим любимым местом в городе. Дом Аматльер и детище Гауди Дом Бальо – буквально в двух шагах, я смогу увидеть их из окна. А за углом – мое любимое бистро с самыми вкусными чуррос в городе. Поразительно!

Паркуюсь на выкупленном парковочном месте рядом с новеньким графитово-черным Порше Фабиана. Фургон с моими вещами дребезжит у парадного входа с распахнутыми для меня дверьми с резными решетками.

Консьерж зовет меня сеньоритой Аурелио-Лурдес и галантно придерживает створку лифта, пока мои каблуки цокают по мраморным полам просторного холла. Я остаюсь вежливой и улыбчивой ровно до того момента, когда встречаюсь с физиономией Фабиана на четвертом и последнем этаже. Меня передергивает от четного числа. Маленький пунктик.

– Привет, дорогая! – приветствует Фабиан, потрясающе точно копируя интонацию своей матери.

---

[4] Главный проспект Барселоны, центр деловой и культурной жизни города.

[5] Престижный район Барселоны с широкими проспектами, скошенными углами улиц и архитектурными шедеврами модернизма.

– Пошел к черту, финансовая подстилка! – отзываюсь я, переступая порог потрясающей, просто великолепной, квартиры.

Мы молча обходим свои владения, купленные на чужие деньги. Как я и предполагала, вид на город открывается впечатляющий: через окна в пол, пробиваясь сквозь утреннюю дымку, льется мягкий солнечный свет. Благодаря высоченным потолкам складывается ощущение, что мы поднялись минимум на шестой этаж.

Квартира очень светлая, что странно при любви Клеопатры Дельгадо к черно-белому. Полы из настоящего дуба приятно поскрипывают под ногами, пока я обхожу кухню и прилегающую к ней столовую. Только самая современная техника и убийственная кофемашина, совладать с которой я не смогу никогда в жизни. Цветы в горшках, которые я не собираюсь поливать. В гостиной – виниловый проигрыватель, который я не планирую слушать, и большой пустой книжный шкаф, где вряд ли найдется место для моих любовных романов в красочных обложках. Я выстелила ими дно чемодана, чтобы мама не заметила, когда мы паковали вещи.

По красивой светлой лестнице, словно парящей в воздухе без единого перила и закручивающейся к потолку, мы поднимаемся на второй этаж. Он явно претерпел перепланировку. Первой меня встречает просторная гардеробная с системой открытого хранения. Из нее в разные стороны уходят запертые двери.

– Если я сейчас обнаружу спальню с одной кроватью, я придушу тебя подушкой прямо сейчас, – сообщаю я, шагнув к ближайшей двери. За ней меня действительно ожидает одна кровать. Но это очень красивая кровать. С мягким светлым пологом и муслиновым покрывалом. Здесь есть балкончик, через высокие стеклянные двери я вижу на нем плетеное кресло. У окна – туалетный столик, пушистый ковер, чтобы бродить босиком, винтажная ширма, кушетка и огромное зеркало.

– Как тебе твоя комната? – звучит вопрос Фабиана поверх моей головы.

– Приличная камера. Но кровать одна, так что приготовься умереть.

– Я пошел к себе, – усмехается Фабиан. Провожаю его озадаченным взглядом через всю гардеробную, прежде чем понимаю, что он имеет в виду.

– Стой! Я имею право выбрать лучшую комнату!

Оттеснив его от прохода бедром, шагаю во вторую спальню. Она зеркальна моей, кровать стоит у противоположной стены. Полога нет, но есть симпатичный плед, напоминающий шкуру снежного барса. Обивка у мебели – теплого орехового оттенка, уютно контрастирует с гладкими досками пола. У окна стоит рабочий стол на тонких ножках, уже заваленный бумагами, над кроватью вместо панно висит огромный ловец снов.

Я никогда не жила с Фабианом, никогда не ночевала с ним

в его доме на Холмах Алтеи. И сейчас у меня чувство, будто я нахожусь на вражеской территории. Здесь любую вещь можно будет использовать против него в наших словесных турнирах.

– Джейкоб[6] подарил? – киваю я на ловца снов.

– Мне же нужно как-то защищаться от темных сил через стенку, – парирует Фабиан. Руки в карманах, дорожки из вен проступают на руках: ему некомфортно.

Идеально.

Я оборачиваюсь и замечаю странную вещь: белая стена между гардеробной и моей спальней мягкая и неровная. Подхожу ближе, чтобы понять, что это поролон, как в звукозаписывающих студиях. Им же обита и дверь изнутри.

– Ты поставил себе шумоизоляцию, сеньор Контракт? – удивленно спрашиваю я. – Чем ты планируешь тут заниматься, черт возьми черт?

– Смотреть порно на полную громкость, – отвечает Фабиан, берясь за мою талию и подталкивая в сторону двери, – давай-ка, тебе пора.

– Смотри, смотри, своего-то секса у тебя нет, – фыркаю я.

– Не завидуй. У тебя тоже его нет.

– Подарю тебе пачку салфеток.

На этой ноте мы расходимся до завтрака. Из-за перепланировки спальня не оборудована отдельной ванной комнатой, и это довольно печально: все же моя зубная щетка хоте-

---

[6] Отсылка к персонажу сумеречной саги Стефани Майер.

ла бы сохранить некоторую приватность.

Желая принять душ, скидываю джемпер и брюки-палаццо и подхожу к зеркалу в одном белье. Опасливо обвожу себя взглядом и обнимаю за плечи. Мои бедра стали круглее совсем чуть-чуть по сравнению со старшей школой. И я все еще могу после небольшой подготовки задрать ногу до уха или встать с ног в мостик.

Да, мое тело «песочные часы», но мне кажется, все не так уж и плохо. Я неуверенно провожу пальцами по животу, ловя совсем маленькую складочку. *«Взгляни, да ты просто испанская корова, кусок дорогого хамона»,* – звучит в голове голос мамы, и я отдергиваю от себя руки.

– Дорогая, подняли твои вещи, спрашивают… – Фабиан, стукнув в дверь чисто символически, заходит внутрь и осекается на полуслове. Застигнутая врасплох, я вскрикиваю и ныряю за ширму.

– Тебя не учили ждать приглашения, прежде чем зайти?! – рявкаю я.

– Что здесь происходит?

– Что происходит в моей спальне, тебя не касается, – огрызаюсь я.

– Ты куда-то собираешься? – Фабиан делает шаг в сторону ширмы. Его башка обозначается прямо над ней. – Ты же в курсе, что за твою измену мне полагается вино Лурдес?

– Придурок. С чего ты взял, что я собираюсь к любовнику?

– Но… – Фабиан вдруг осекается, – ладно. Я забыл, что ты любишь красивое белье.

– Уходи.

Он поворачивается было, но не уходит.

– Послушай, ты же сейчас не искала на себе лишние килограммы перед этим большим зеркалом?

Проницательная гнида.

– Пошел вон.

Нам придется очень туго под одной крышей друг с другом. Когда пару часов назад я выехала из своей съемной квартиры рядом с университетом, растерялись последние капли моей свободы.

Два года назад мне стоило бы не быть идиоткой и повернуть в другую сторону.

Карла. Тогда

Я сжимаю руль и через шуршащие по стеклу дворники смотрю, как с парковки Академии отъезжает машина Ноэль. Она сегодня чемпионка, выиграла свой заплыв, но Каетано лишил ее радости победы, не завоевав свою. Поверить не могу, что он просто взял и ушел. Хотя нет, могу. Это очень похоже на него. Плевать на то, что бесценно для других. Думать только о себе. Он, не моргнув, подставил Рамону, своего тренера, которая пригласила для него представителей олимпийского тренировочного центра. Ничего не объяснил своей девушке и укатил в закат. Козел. Часть меня рвется следом за синим БМВ Ноэль. Я чувствую, что ей нужна моя поддерж-

ка. Еду по Холмам следом за ней, а потом на развилке все же ухожу налево и жму на газ. Эли с Люцией, с ней все будет в порядке.

Я еду к Фабиану. Сердце делает свой выбор.

Меня встречает звенящая тишина виллы Дельгадо. Кто-то точно дома, раз передо мной разъехались откатные ворота и открылась входная дверь. Меня видно по камерам, но никто не торопится меня встречать. Поднимаюсь по ступенькам, намеренно громко стуча каблуками, сообщая о своем приближении.

– Фаби? – зову я в пустоту. Мой голос эхом отскакивает от стен. Из глубины дальней комнаты доносится шорох.

– Я здесь, принцесса.

Библиотека. Конечно же он там. Узкое окно открыто, капли дождя усеяли паркет. Белая гардина трепещет на ветру. В комнате мало дневного света, его компенсирует искусственный камин, стильный, как и все в этом доме. Фабиан откладывает книгу и поднимается мне навстречу. Расправленный плед от Hermès говорит о том, что кто-то недавно им укрывался. На щеке Фабиана – отпечаток подушки, обычно уложенные гелем волосы сбиты и скрывают лоб.

– Как себя чувствуешь? – нерешительно спрашиваю я. Он не спешит обнять меня, хоть и подходит достаточно близко. Руки – в карманах домашних брюк, белая футболка скрывает очертания красивого пресса.

– Я здоров.

– Тебя не было сегодня на финале. Каетано выдал номер. В своем стиле, я полагаю.

Фабиан смотрит будто сквозь меня, низко склонив голову, и я не могу установить с ним зрительный контакт, от чего теряюсь, не понимая, что происходит.

– Он мне всю жизнь испортил. Я только подправил ему будущее, – звучит ровный, полный почти отчужденного спокойствия голос Фабиана. – Но это же *Каетано Дельгадо*! Гордость и надежда нашего рода! – продолжает он, явно подражая чьим-то интонациям. –Не сомневаюсь, что он все исправит.

– Что произошло? – растерянно шепчу я. Хочу, чтобы он посмотрел мне в глаза, чтобы взял мою руку, и я ощутила тепло его кожи. Я люблю и чувствую осязанием, мне нужны прикосновения, чтобы сообразить, что происходит. Но Фабиан наоборот отступает на шаг.

– Каетано привык делать, что ему хочется. Мама любит его, возлагает такие надежды, его ждет бизнес-школа Гарварда, а он тратит время на бассейн. Что он ему даст?! Пару побрякушек на шею и пенсию лет в тридцать пять? Пф, – Фабиан сердито фыркает. – Я не жалею о том, что сделал.

– А что ты сделал?

Вместо ответа Фабиан достает из кармана руку, демонстрируя мне разбитые костяшки.

– Ты избил своего близнеца? – тихо спрашиваю я. Мой голос дрожит, а к горлу подкатывает ком. Все становится

слишком сложным. Может быть, я и дура, но прекрасно понимаю, что означает ссора между близнецами. Ноэль этого не простит. Она даже не станет слушать о мотивах Фабиана.

Он смотрит в пол, я – на него. Сердце ворочается от страха, обиды и грядущей необходимости выбирать.

– Смешно, что этого все равно для мамы недостаточно, – Фабиан качает головой и, наконец-то, обращает ко мне взгляд выразительных темно-карих глаз, сейчас пропитанных болью и отчаянием. – Ты ведь понимаешь, о чем я, принцесса. Ты же тоже из проигравших. Мать никогда не любила тебя просто так.

– Фабиан… – испуганно шепчу я. Мне не нравится этот поворот.

– Я знаю, принцесса. Я все видел. Она уничтожает тебя словом, а меня бьют тотальным игнором. Тебе приходится расплачиваться за то, что ты ее дочь. А я должен платить за то, чтобы *тоже* быть ее сыном. – Фабиан шагает ко мне, обнимает и обращает к себе мое лицо, явно ощущая, какой урон наносят его слова. – Каетано и Ноэль другие, они из высшей лиги. Любовь дается им просто так. Они эгоисты, которые понятия не имеют, сколько стоит родительская любовь. Им никогда не нужно было за нее бороться. Не то, что нам с тобой.

Я всхлипываю и опускаю глаза, стараясь сдержать слезы. Во мне борются два противоположных желания: обвинить или помиловать. Фабиан совершенно прав. Роль нелюбимого

ребенка знакома мне слишком хорошо. Но означает ли это, что можно бить своего близнеца?

– Я не держу тебя, Карла, – шепчет Фабиан, – я знаю, о чем ты думаешь. Фингал под глазом Каи встает между вашей дружбой с Ноэль. Извини меня. Я не думал о том, что это будет означать для нас с тобой. Каетано простит меня, Ноэль – никогда в жизни. Иди к ней. Все нормально. Будем честны, тебе нужен тот, кто знает, что такое любовь.

Это совершенно не то, что хочет слышать мое сердце. Оно вздрагивает от ужаса, когда руки Фабиана отпускают меня.

– Хочешь, чтобы я ушла? – чуть слышно шепчу я.

– Нет. Не хочу.

– Тогда не гони меня. Обними.

Вот момент, когда я должна была это сделать. Уйти. Но я выбрала его. Никуда не уехала. Спустя несколько часов мы узнаем, что папа Ноэль разбился на вертолете по пути в Барселону. А моя любимая подруга осталась сиротой.

Тогда у меня еще был шанс спастись. Но я им не воспользовалась. Позже я выберу Фабиана снова, когда он придет ко мне ночью, хромая и истекая кровью, с гематомами на ребрах и разбитым лицом. Каетано бил его лежачего, а он не сопротивлялся. Ни мать, ни отец не остановили любимого разгневанного сына. Он сам это прекратил, когда выдохся.

Фабиан помог родителям лишить Ноэль состояния. Он рассказал матери о своих догадках насчет ее недуга. Клеопатра сама раскопала несуицидальный синдром.

Фабиан предал брата и меня.

Но дома ему никто не пришел на помощь.

И это было по-настоящему страшно.

Мое сердце в ту ночь не билось. Я обрабатывала его раны, рискуя получить по башке от матери, если бы та вернулась с ужина раньше полуночи, а он плакал. Я видела его слабым, жалким и уязвимым. Фабиан раскаивался и слеза за слезой осознавал, что натворил.

– Я плохой человек! Что я наделал? Что она заставила меня наделать?! Карла, я всего этого не хотел! Мне нужно это исправить! – лихорадочно бормотал он, лежа головой у меня на коленях.

Мне следовало прогнать его. Отказаться. Броситься на поиски Ноэль.

Но я не смогла.

– Плохой человек хорош тем, что никогда не считается с чужим мнением. У тебя получится все, что ты захочешь, Фабиан. Сделай это ей назло.

Но вместо этого он уничтожил *меня*.

Глава 5. Персона из высшего сословия

Карла. Сейчас

Жить с Фабианом Дельгадо оказывается не так уж и сложно. Спустя неделю совместного заключения могу сказать, что дважды видела его в лицо: за завтраком и за ужином, и один раз мне представился его затылок, когда я выходила из своей спальни, а он – из ванной. Близнецы Дельгадо экстерном получили степени бакалавра в сфере финансов и рынка ценных бумаг и временно завершили образование, чтобы работать в «Делинтерпрайзес». Это была необязательная мера, внушительные пакеты акций компании и так принадлежали им, но парни не желали оставаться в стороне.

Понятия не имею, чем занимается Каетано, но ощущение, что Фабиан работает за них двоих. Он уезжает из дома около пяти утра, я знаю, потому что иногда только ложусь в это время, а он едет сначала в тренажерный зал, а после – в офис. Возвращается Фабиан в районе восьми, ужинает и закрывается в спальне, чтобы продолжить развлекаться с ноутбуком и кучей бумаг, я полагаю.

Жить в центре шумной, многолюдной Барселоны – одно удовольствие. Сразу же появляется ощущение причастности к чему-то очень важному. Мне очень нравится дом, в котором Дельгадо купили квартиру. Всякий раз открывая кован-

ную калитку перед входной дверью, я испытываю эстетическое удовольствие.

Потеряв старых друзей, я так и не завела себе новых. У меня не получилось: ни проникнуться доверием, ни желанием делиться радостями и невзгодами с кем-либо из своих однокурсников. Так что большую часть времени я предоставлена самой себе, как и до переезда. После учебы я гуляю по музеям, брожу вокруг Саграды Фамилии и читаю любовные романы на скамейке в парке Гуэль. Сезон еще не начался, а в январе туристов совсем немного.

Я нашла новую студию пилатеса и занимаюсь по утрам перед лекциями, когда воздух на улице еще колкий и свежий после январской ночи. Всем известен и другой приятный способ сжигания калорий: секс. То, чего в моей жизни нет уже… два года. Два! В чистом виде, разумеется. Договор, по которому живем мы с Фабианом, защищает и вредит нам обоим. Изменю я – Фабиан получит мои винодельни, изменит он – мне достанутся его акции «Делинтерпрайзес». Это, пожалуй, самый суровый пункт многостраничного договора, фиксирующего наши отношения. В прежней квартире у меня была пара вспомогательных игрушек, но я не рискнула брать их с собой сюда. Если бы Фабиан случайно нашел их, мне пришлось бы очень постараться, чтобы подобрать на него ответный компромат.

Я веду себя максимально осторожно: мои любовные романы хранятся в тумбочке и под кроватью, когда смотрю муль-

тики или сериалы в гостиной, чищу историю просмотров. Насмешки над моим интеллектом в исполнении Фабиана я не перенесу. Хотя до этого он и не позволял себе ничего подобного, но все впереди, я полагаю. Теперь у нас одна крыша над головой.

Сегодняшнее утро начинается, как и почти все предыдущие. Я просыпаюсь от щелчка в замке входной двери: Фабиан уехал в офис «Делинтерпрайзес».

Но сегодня он оставил для меня завтрак: омлет Пуляр и брускетты с креветками, хамоном и рукколой. Что это за новости? Конечно, я не ем их, пока сижу в одиночестве за кухонным столом, изучая свои домашние конспекты.

На моем курсе в бизнес-школе нет маркетинга, но он нравится мне гораздо больше рынка ценных бумаг и инвестиций. В свободное время я занимаюсь сама, к тому же Фабиан притащил домой пару учебников по рыночным стратегиям, так что я почитываю их, когда его нет дома.

Но сегодня учиться не получается. Напротив меня лежит записка, заботливо оставленная к завтраку Фабианом:

«Поешь, чтобы не свалиться в обморок, когда будешь выбирать самое убийственное платье. Для меня.

Фабиан».

– Сукин сын. – Ворчу я, потягивая воду с лимоном в прикуску с палочкой сельдерея, обнаруженной в холодильнике. Я почти ничего не ем третий день, чтобы хоть как-то минимизировать шквал оскорблений, который неминуемо обру-

шится на меня через несколько часов.

Сегодня в бизнес-школе – защита проектов по минимизации финансовых рисков. Я придумала довольно неплохую стратегию для «Делинтерпрайзес», но выступить с этим проектом мне не суждено. Потому что первую примерку свадебных платьев нужно было назначить именно на середину учебной недели.

Браслет от Graff на запястье, макияж «без макияжа», вытянутые утюжком волосы, черно-белое платье с юбкой-солнцем, лодочки на высоком каблуке и бежевый тренч. Нацепив всю эту броню, я глотаю валиум и покидаю квартиру с высоко поднятой головой.

– Карла! Дорогая! Отлично выглядишь, тебе бы еще мой цветочный шарф, и была бы, как с картинки! Напомни, я пришлю тебе такой в выходные! – приветствует меня Клеопатра Дельгадо, едва я переступаю порог свадебного салона от Vera Wang.

Мои мама, бабушка, Великая Тетя и бабушка Фабиана уже обсуждают со стилистом мой свадебный образ. И что-то мне подсказывает, это явно не белый топ, брюки палаццо и обруч Prada в волосах. Это бесчисленные слои безусловно красивых органзы, шифона, фатина и атласа, в которых я покорно даю себя утопить.

– Ах, жаль, грудь слишком полная!

– Да, вульгарно смотрится.

– Слишком просто!

– Дорогая, еще хоть один грамм, и платье не сойдется!

– Как жаль, кажется, нам нужно такое же, но на пару размеров больше.

– Ох, милая, а в жизни и не скажешь, что у тебя такая характерная линия бедер.

Я шикарно улыбаюсь и прогладываю все комментарии, ни разу не подавившись. Валиум работает безотказно.

Они решают все за меня: я слишком жирная для Vera Wang. Мы отправляемся в следующий салон. Я засматриваюсь на белые лодочки от Manolo Blahnik с узнаваемой серебряной пряжкой, когда Клео мягко приобнимает меня за плечи.

– Совершенно согласна с тобой, дорогая! Устаревшая вульгарщина, а не туфли! Кстати, я подготовила пригласительные и…

– Но откуда вы узнали, кого пригласить на нашу с Фабианом свадьбу?! Помолвка была две недели назад! – мои слова звучат довольно резко, так что приходится сгладить их удивленной улыбкой.

– Карла, уверена, я никого не забыла.

– Но я же могу увидеть и скорректировать список?

– Дорогая, – наманикюренная пухлая ручка ложится мне на плечо и как будто придавливает к земле еще ниже, – конечно, можешь. Но ты уверена, что у тебя есть на это время? Я слышала от декана Перес, что у кого-то появилось несколько хвостов по учебе. Не лучше ли потратить лишние часы на

их исправление?

Если бы вы не дергали меня с учебы своей дурацкой подготовкой к моей же свадьбе, на которую я даже не могу повлиять, никаких проблем бы не было!

Я часто моргаю и с силой проталкиваю комок раздражения обратно в горло.

Они выбирают мне самое отвратительное платье во всей Испании: пышное и такое тяжелое, что я едва могу в нем стоять. Двухметровый шлейф, над которым причитают от восторга наши с Фабианом бабушки, расшит вручную кристаллами Swarovski и выглядит, как привет из двухтысячных. Линия учтивого декольте переходит в смехотворно длинные рукава, очень уместные для свадьбы в тридцатиградусную июньскую жару.

– Теперь нам нужно встретиться с флористом и утвердить букет невесты, – моя мама сверяется с записью в ежедневнике, когда вокруг меня утихает волна пенсионерского восторга.

– Да, но Карла не успевает, так что мы сделаем это сами, – кивает Клео.

– Почему это не успевает? – удивляюсь я, пытаясь найти в тугом корсете свою спину и почесаться.

– О, дорогая, разве тебе не надо на стрижку? – искренне поражается Клео. – Волосы ведь отросли, а ты всегда стрижешься на растущую луну. С этими хлопотами всего не упомнить, бедняжка! Я запишу тебя к своему мастеру.

Он примет тебя немедленно. Для Дельгадо всегда найдется окошко.

– Ладно, – киваю я, – а букет пусть будет небольшим: мне хватит гортензии и эвкалипта вокруг.

– Дорогая! Июньская свадьба! – взвизгивает Клео. – Пионы! Охапка белых пионов будет идеально смотреться с этим роскошным платьем! Да, девочки?

Восьмидесятилетние девочки согласно кивают.

– У меня аллергия на пионы. Нос течет, а глаза слезятся от одного только запаха, – сочувственно развожу руками я. На что в ответ моя мама выдает:

– Карла, детка, выпьешь антигистаминное. Один вечер можно и потерпеть, правда ведь? Зато как будет красиво…

Смех зарождается где-то глубоко внутри меня. Щекочет легкие, поднимаясь все выше и выше, пока не рвется на волю, распахивая мой рот. Это уже не смех, а бессовестный хохот, который никак не вяжется с королевским платьем, в которое меня обрядили. Клео удивленно вскидывает брови, а бабушка неодобрительно качает головой.

– Карла, будь вежлива!

Но я складываюсь пополам в своих тяжеленных свадебных юбках и хохочу так громко, что звенят хрусталики на дурацком светильнике у меня за спиной. В роскошном салоне воцаряется полнейшая тишина, и мой смех теперь – единственный звук кроме шороха платьев на вешалках. Странная, должно быть, картина.

– Потерпеть! Ха-ха-ха! – веселюсь я. – Всего один вечер! Ха-ха-ха! Потерпеть! Ай, не могу! – хватаюсь за бок, упакованный в твердый каркас корсета: воздуха не хватает. – Один вечер! Ха-ха! Совсем немного потерпеть! Ха-ха-ха-а-а-а… – рыдаю я от смеха.

А может и не от смеха.

Карла. Тогда

Я была чуть ли не единственной, кто остался на стороне Фабиана после гибели отца Ноэль. Моя репутация, хранимая бережнее девственности, впервые в жизни оказалась под угрозой. По Академии Вергара редко ползали слухи, но сейчас они бежали вперед моих каблуков. Поговаривали даже, что моя семья способствовала Дельгадо в присвоении чужих денег. Все потому, что я не отпустила руку Фабиана, когда мы переступили порог Академии после известия о трагедии Ноэль.

Я стойко вытерпела нападки девочек «Львиц» и даже лишилась двух сильных спортсменок, чьи родители запретили им тренироваться под моим началом в знак солидарности покойному сеньору Гарсиа: они работали в его корпорации. А Фабиан даже не сказал мне, что они с Каетано уезжают. Я узнала случайно. Услышала в школьном коридоре, что братьев зачислили в Университет Барселоны. На погружение в жизнь Лиги плюща времени больше не было.

Я была очень расстроена в тот день. К тому же с «Львицами» совсем не клеилось, все шло к тому, что меня вот-вот

выгонят из команды.

Я зашла в дом не с главного входа, а через сад, предварительно оставив на скамейке пару литров своих слез. Тогда мне казалось, что меня предали. Но настоящее предательство еще только поджидало меня за закрытыми французскими дверьми малой гостиной. Инстинкт говорил мне уходить, не греть уши. Но я не могла.

Женщины в комнате не слышали, как я вошла. Входная дверь не хлопнула. Но я была там. И слышала каждое слово.

– Каталина, дорогая, такова жизнь. Я совершенно с вами согласна, – вкрадчиво твердила Клеопатра Дельгадо. – Но мои мальчики настроены очень серьезно, они хотят получить образование, соответствующее их нынешней роли в бывшей «Гарсиа Интерпрайзес». Кто знал, что собрание акционеров выберет Раймонда новым главой. Вашему положению в обществе ничего не угрожает. Наоборот. В ваших силах была и остается способность им управлять. А мы с трагическим уходом сеньора Гарсиа способны вам в этом помочь деньгами.

– Вы предлагаете мне сделку? – звучит ровный и невозмутимый голос моей мамы. – Боюсь, Карла долго не продержится. Моя семья не привыкла, когда ее фамилию смешивают с такими громкими скандалами, в который угодили вы. По стечению обстоятельств.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам оборвать отношения наших детей? – спрашивает Клеопатра.

– Я хочу знать, что вы готовы мне предложить в нынешних условиях, – по-прежнему невозмутимо отвечает ей мама. Моя рука дергается в сторону дверной ручки, и я с трудом убеждаю себя остаться на месте. Мама не разрушит мое счастье, она боготворит Фабиана. У нее все под контролем. Я слушаю дальше.

– О, Каталина! – по голосу слышно, что Клеопатра улыбается. Мне это не нравится. – Это совсем другой разговор. Наши дети очень преданны нам. Я предлагаю вам породниться. Слияние наших семей упрочит ваше финансовое состояние и наше положение в обществе. Не кривитесь, Каталина, дорогая, у вас будут морщины. Вы думаете, я не знаю, почему Карла до сих пор не ушла от Фабиана? Он теперь самый богатый жених на всем южном побережье.

– У Карлы чувства к Фабиану, – голос мамы пробивается сквозь шум, с которым кровь приливает к моей голове от абсурдности происходящего. Где папа? Почему он не участвует в этом странном разговоре?!

Ответом мне слышится тихое покашливание в усы. Папа там. С ними! Слышит и ничего не говорит. Ну еще бы. Я же не Каталония. Разве я стою того, чтобы он за меня боролся?

– Им необязательно друг друга любить, – возражает Клеопатра, – на любви они далеко не уедут. Фабиан – умный мальчик и всегда думает наперед. Он бы никогда не обратил внимание на Делуку или, скажем, Ловего: дочку шулера или клерка. Ваша дочь – блестящая партия. Он понял это с пер-

вой же минуты. И мы его в этом поддержали.

– Хотите сказать он никогда не любил мою дочь? – спрашивает мама одновременно с голосом в моей голове.

– Я хочу сказать, что мой сын – лучший вариант для вашей дочери.

Повисает короткое молчание. На всякий случай я отступаю за угол, чтобы успеть улизнуть, если сейчас распахнутся двери, и мои родители с гневом вышвырнут эту меркантильную тетку вон из нашего дома.

– Каковы наши дальнейшие действия? – вместо этого спрашивает мама…

– Мы заключим договор, по которому в установленный год наши дети должны будут вступить в брак. Чтобы это выглядело максимально естественно, – говорит Клеопатра. А я стою и продолжаю не верить своим ушам.

– Если поженить их сейчас, все поймут, что это не их решение, – замечает мама. Я без труда угадываю в ее голосе знакомые интонации. Именно так она набивает цену на вино Лурдес, когда заходит вопрос о сезонном ценообразовании.
– Два года.

– Может быть, один?

– Два, – категорично заявляет мама, – когда Карле исполнится двадцать один. Мне нужны гарантии что деньги Гарсиа так и останутся вашими.

– Каталина!

– Клеопатра, если вы приехали заключать сделку, будьте

готовы выслушать условия второй стороны.

Ничего себе. Мама торгуется так, будто готовилась к подобному разговору. Но этого просто быть не может.

– Хорошо. Два года, – уступает Клеопатра.

– В течение этих двух лет винодельням Лурдес будут полагаться ежеквартальные дотации. Мы готовы получать их в качестве благотворительных пожертвований. – Продолжает мама.

Я опускаю глаза к своему запястью, на котором мерцает браслет от Graff, подаренный Фабианом на мое девятнадцатилетие. Точнее, это не он мерцает, а двадцать три тысячи долларов. И не бриллиантами, а металлом наручников.

– Но, если ваша дочь будет бунтовать…

– Пожертвования не будет, согласна. Что мы получим в случае неповиновения Фабиана?

Следующие слова Клеопатры сжимают мое горло и навсегда перекрывают кислород.

– Фабиан никогда не оступится. *Ведь это все его план.*

Глава 6. Мама умней?

Карла. Сейчас.

– Карла, святой Сантьяго, ты переутомилась! – вздыхает Великая тетя.

– Нынешнее поколение совсем не умеет себя вести. Каталина, обрати внимание на манеры своей дочери. Я тебя этому не учила, – вторит ей моя бабушка.

– Придется мне взять оставшуюся подготовку к свадьбе в свои руки, но ради твоего спокойствия, я это сделаю, – заверяет меня Клеопатра. – Я позвоню декану Перес, он все уладит с твоими долгами по учебе, а ты поезжай домой и отдохни пару дней. Только не знаю, сможет ли Фабиан составить тебе компанию, мои мальчики очень ответственно подходят к своей работе.

Истерический хохот продолжает душить меня все то время, что мое тело вытаскивают из платья и заталкивают в салон машины.

Мама сидит подле меня и скрипит зубами так громко, что водитель несколько раз проверяет показатели приборной панели, думая, что неполадки в машине, а не у нее в нервной системе. Ведь она продала свою единственную дочь и глазом не моргнув. В ее мире все было очень просто.

Наглым образом разбогатевшая семья Фабиана предлагала деньги, в которых остро нуждались винодельни Лурдес.

Взамен моя семья давала статус в обществе, который не купишь и за миллиард. А статус и признание – это то, в чем нуждалась фамилия Дельгадо больше всего. Ведь люди не дураки: они прекрасно понимали, каким образом были нажито состояние Дельгадо. Так что все действительно очень просто. Предложение Фабиана гарантировало дальнейшее процветание винодельням. Мое согласие в рождественский вечер обеляло репутацию Дельгадо.

Все, что когда-то строилось по любви, превратилось в звон монет.

Рядом со мной в очередной раз скрипит зубами мама. Я физически ощущаю ее непреодолимое желание на меня наорать. Но она упорно тащит это желание с собой до Пасео де Грасиа. Отправляет водителя за кофе, и, как только мы остаемся в салоне одни, шоу начинается.

– Карла Рейна Аурелио-Лурдес! Ты что себе позволяешь?! Ты опозорила себя перед такими женщинами!

– Какими *такими*? – передразниваю ее я, расстегивая ремень безопасности.

– Влиятельными, богатыми и образованными!

– А мне плевать, – неожиданно вырывается у меня фраза, которую стоило сказать давным-давно, – плевать на их влияние и интеллект! Я устала! Не хочу быть доброй и милой с женщиной, которая при любой возможности опускает мою самооценку! – кричу я, и меня уже не остановить. – Не хочу это цыганское платье и пионы! Не хочу притворяться и иг-

рать в ваши дурацкие игры! Не хочу быть результатом сделки!!!

– А чего ты хочешь? – спрашивает меня мама, но ответить не дает. – Хочешь стать нищей, как Ноэль? Или, быть может, хочешь жить на отшибе и наблюдать, как дело с многовековой историей разбирают на запчасти, как бизнес «Гарсиа Интерпрайзес»?! Хочешь, чтобы винодельни Лурдес, в которых угощались вином испанские короли, пустили в массы, разводнили и стали продавать по пять евро за бутылку?! – мама, которая большую часть моей жизни решала конфликты одним только властным взором Лурдес, сейчас похожа на львицу, готовую выдрать глотку любому, кто поставит под удар наследие ее семьи, даже если этот любой – ее собственная дочь.

Она вжимает меня в дверцу автомобиля каждым новым словом, красивые карие глаза полыхают гневом.

– Я растила тебя сильной и решительной женщиной, которая и мертвой не отдаст то, что принадлежит ей по праву! Никто не заставляет тебя любить Фабиана или его мать. Никто из женщин Лурдес еще не вышел замуж по любви. Винодельни пережили революции, перевороты, воины и фашизм. Каждая из нас делала то, что было на благо винодельням, это же сделаешь и ты! Сейчас от широты твоей улыбки зависит будущее целой династии. Или ты спасешь ее и войдешь в историю, или потеряешь, и ни один потомок Лурдес тебе этого не простит! Мы поим вином всю испанскую элиту, у тебя

гордости не хватит все это потерять! Ты – Лурдес. В тебе течет не кровь, а вино! Спрошу еще раз. Чего ты хочешь?!

– Немного передохнуть, чтобы быть бодрой и свежей на радость своему жениху, – тихо бурчу я.

– Молодец! – рявкает мама.

– Пока. Люблю тебя, мам, – киваю я, выходя из машины.

– Привет Фабиану! И прошу тебя, не будь дурой, воздержись от мучного, скоро твои бедра не скроет ни одна юбка.

– Хорошо.

Смотрю в след уезжающей в аэропорт машине и думаю о том, как же легко мной управлять. Я всю жизнь так гордилась своей «породистостью», своей принадлежностью к винной династии Лурдес, что теперь эти грабли снова и снова лупят меня по лицу. Мне даже наступать на них не требуется.

О заключенном договоре с Клеопатрой Дельгадо, мама сообщила мне со спокойствием королевской кобры, гипнотизирующей свою жертву.

«Фабиан тебя не любит. Ты будешь послушной и милой невестой, потому что иначе винодельни уйдут с молотка. Ты девятнадцать лет жила в свое удовольствие, пришла пора платить по счетам».

Так что Лурдес просто взяли и присосались к чужим деньгам. Как и прежде к деньгам Аурелио. Винодельни не являлись акционерным обществом, так что довольно внушительный источник откачки денег с биржи был для них недоступен. Поэтому раз в поколение (когда подрастала новая дочь),

заключался брак по расчету, призванный озолотить все еще элитное, но уже совершенно нищее вино. Они даже договор новый не составляли, взяли и подправили мамин.

Уже в лифте я чувствую знакомый дурман в голове. Такое ощущение, что сердце гоняет на американских горках по всему организму. Меня бросает в жар. Когда вываливаюсь в холл, тошнота подкатывает к горлу. Мне нужно присесть, нужно срочно присесть. Я распахиваю дверь квартиры с уже затуманенным зрением и… обнаруживаю себя на ковре в гостиной с ногами, закинутыми на диван. Кто-то непрерывно массирует мочки моих ушей, и этим кем-то оказывается Фабиан.

– Черт возьми черт… – хриплю я, ощущая себя носком, лишний раз прокрученным в стиральной машине. – Перестань.

Все-таки я не успела сесть и упала в обморок. Почему же тогда я лежу не у входной двери?

– Ты не смог положить меня на диван целиком? – интересуюсь я, перекатываясь на бок и пробуя сесть.

– Ноги должны быть подняты, чтобы обеспечить приток крови к мозгу. Обморок, а именно в него ты свалилась, потому что ни хрена не ела утром, случается из-за сбоя в кровоснабжении мозга. – Ворчит Фабиан, поднимаясь с колен и отряхивая брюки. Он в костюме, значит, приехал не так давно.

– Бла-бла-бла, – закатываю я глаза.

– Вампиры не говорят «бла-бла-бла», – огрызается он, угадав в моем тоне фразу из «Монстров на каникулах». – Когда ты ела в последний раз?

– Я ела, отстань.

– Нет. Последние три дня ты почти не ела.

Правда. Хотя это мне все равно не помогло.

– Со мной все прекрасно, кроме того, что я живу с тобой, – отмахиваюсь я. – Тебя уволили, наконец? Что ты забыл дома в два часа дня?

– Мама рассказала, ты выдала номер на примерке. Я решил приехать.

– Чтобы добить меня?

– Ты ничего не ела, потому что они издеваются над твоим телом?

Ох, это уже выстрел в упор…

А мы не стреляем в упор.

Двухлетняя обида мгновенно обжигает мне глаза. Подбородок предательски вздрагивает, и я быстро вскакиваю на ноги. Меня ведет в бок, Фабиан успевает подхватить меня, но я отталкиваю его и несусь к лестнице наверх.

– Да что с тобой происходит, Карла?! – вскрикивает Фабиан, от чего я замираю на предпоследней ступеньке. – Эта квартира для двоих, но живу здесь я один. Я же знаю, какие книги ты любишь, и выделил для них целый шкаф. Там не появилось ни одной. – На каждую фразу Фабиан делает один шаг по ступенькам вверх. – Ты обожала красный, и вся

твоя спальня была заполнена рейлами с яркими платьями. Я сделал для них целую гардеробную, но там так черно, будто кто-то готовится к похоронам! Ты обожала музыку, но всегда, когда я дома, здесь царит тишина. Ни одной песни, ни одного сериала про любовь, хотя я купил подписки на все стриминги, которые вспомнил. Где ты, Карла? Где та девушка, которую я знал? – спрашивает он, замирая прямо передо мной. Если я сейчас толкну его в грудь, он полетит с лестницы спиной вперед.

– Ты ее купил.

– Вот что. Принцесса, – зовет Фабиан, проигнорировав мой ответ, – это твой дом, хочешь ты того или нет. Ни одна наша родственница не знает кода-пароля от входной двери. Здесь ты можешь быть собой. Тут ты в безопасности.

Я не могу никак отреагировать, потому что слышу свое старое прозвище «принцесса» вместо ненавистного «дорогая». Фабиан, видно, сам удивился, что оно вырвалось у него изо рта. Он откашливается и продолжает:

– Да, пока существует договор, тебе никуда не деться от меня, а мне от тебя. Так зачем лишать себя того, что приносит тебе радость? Скажи мне, что я не предусмотрел в этом доме, и я все исправлю.

– Зачем тебе это? – настораживаюсь я.

– Всем нужно место, где не страшно быть собой. Иначе, где брать силы, чтобы бороться дальше?

Так честно и так просто. Фабиан всегда умел угодить сло-

вом точно в цель. Карие глаза с проницательностью, пронизывающей до самых костей, изучают выражение моего лица.

– Что насчет обеда? – неожиданно предлагает он. – Я сам приготовлю и буду раздражать тебя своим присутствием до тех пор, пока ты все не съешь.

– Придется жевать очень быстро, – сдаюсь я.

Закрывшись в спальне, стаскиваю платье и швыряю его за ширму. Меня все еще немного подташнивает, а слова Фабиана никак не идут у меня из головы. *Безопасность.* Да я даже не знаю, как это, чувствовать себя дома в безопасности. Я никогда не могу знать наверняка, за что мне прилетит в тот или иной день. Что сегодня маме не понравится во мне?

Чувство голода поторапливает меня, затмевая невеселые мысли. На ходу застегивая пуговки пижамной рубашки, сбегаю по ступенькам вниз. Фабиан уже во всю крутится у плиты в своих серых спортивных брюках и голый по торс. В его теле нет ни одного повода для язвительной шутки, оно было и осталось совершенным, поэтому все, что мне остается, это смотреть. На линии вен, выступающие на мускулистых руках, на четко прорисованный пресс и живот без грамма жира, на косые мышцы, убегающие под резинку брюк.

– Вот и ты, – подмигивает он, заметив меня. Снимает переброшенную через плечо белую футболку и натягивает ее, оставив на лбу темные прядки волос. От этого весь он принимает какой-то сильно домашний и уютный вид. Мне в нос тут же ударяет чистый и яркий аромат чистоты. Не то, чтобы

я когда-то любила обнюхивать Фабиана, просто обычно он пахнет офисом, проблемами и Tom Ford. Непривычно ощущать что-то новое.

– Будут стейки из лосося, спаржа, картошка по-канарски и Ensalada с тунцом, – сообщает Фабиан.

У него уже булькают на плите яйца для салата и в огромном количестве соли закипает бэби-картофель. Я не уверена, будут ли мне рады на кухне, папа все правильно сказал про сковородку, и мнусь у стола.

Фабиан явно чувствует себя в своей тарелке, стоя у плиты. Его движения уверенны и расслаблены, в них нет паники или суеты. Он маринует рыбу и сворачивает для нее лодочки из фольги.

Кухня будто была спроектирована специально под рост Фабиана: навесные шкафы над плитой расположены слишком высоко для меня, но удобно для него. А еще он отлично знает, где и что лежит, как если бы сам занимался наполнением и расстановкой посуды, специй, приборов и приспособлений для готовки. Это странно.

– Хочешь мне помочь, принцесса? – неожиданно спрашивает он, обернувшись через плечо. – Меня немного напрягает, когда ты стоишь у меня за спиной.

– Думаешь, всажу нож тебе в спину?

– Не должна. Если один из нас умрет до свадьбы, есть только пятипроцентная вероятность, что в этом не обвинят второго.

– Ты выучил договор наизусть? – интересуюсь я, становясь рядом и принимая спаржу из его рук.

– Не имею привычки подписывать то, чего не знаю.

Мне поручается Ensalada. Нужно порезать яйца, помидоры, огурцы и лук, добавить маринованный тунец и консервированную кукурузу. Стоя у мраморного кухонного острова с огромным ножом, я изо всех сил стараюсь не облажаться. Фабиан снует мимо меня, и аромат чистоты шлейфом тянется за ним. Не могу сказать, что меня это раздражает.

Мне интересно наблюдать за манипуляциями Фабиана. Он выпаривает из картошки воду, периодически встряхивая кастрюлю, чтобы ничего не пригорело.

– Хочешь посмотреть? – зовет он, не оборачиваясь. Подхожу ближе и заглядываю в кастрюлю. Картошка тихонько шипит, а кожица на ней поднимается и опадает.

– Она будто дышит! – смеюсь я. – Можно мне?

Фабиан оставляет меня развлекаться с картошкой, а сам добавляет в Ensalada салат айсберг, нарезает орегано и заправляет лимонным соком и оливковым маслом.

Это, определенно, самый вкусный обед за последние месяцы. Фабиан включил «Как отделаться от парня за десять дней», и я даже не замечаю, как пустеет бутылка белого вина. Мы сидим за столом рядом, а не напротив, чтобы обоим был виден экран, и касаемся друг друга плечами. Опьянение теплом обволакивает мышцы и голову.

– Вышел настоящий терапевтичный обед, спасибо тебе, –

говорю я, когда Бен обнимает лицо Энди и тянет к себе для поцелуя.

«– Раскрыл мой блеф?

– Я мастер».

Звучит романтичная музыка, и он уводит ее к своему мотоциклу.

– Ты наелась? – спрашивает Фабиан.

– На неделю вперед, – смеюсь я.

– Так не пойдет! – он игриво пихает меня локтем. – Хочу напомнить тебе. Если ты умрешь раньше и меня чудом признают невиновным, я стану королем виноделия. Уверена, что хочешь этого? Если не начнешь нормально питаться, я займусь планированием реформации винодельни, ясно?

– И не мечтай!

– А я бы смог навести там порядок, – не унимается Фабиан. Откидывается на спинку стула и заводит руки за голову. Из-под рукавов футболки тут же выглядывают четко очерченные трицепсы. Его глаза блестят от алкоголя, тело на стуле расслаблено, и я чувствую, что ему сейчас так же комфортно, как и мне.

– Лучше начни с малого. Твоя секретарша снова звонит, – я с улыбкой киваю на загоревшийся экран его телефона. Весь обед Фабиан благополучно игнорировал атаку сообщений и звонков, что удивительно, учитывая, как он помешан на контроле и работе.

– Я могу уволить ее, если ты имеешь что-то против, – спо-

койно возражает Фабиан, поднимаясь из-за стола и собирая приборы.

– Да брось. Уверена, тебе приятно на нее смотреть, – я тоже встаю, но от вина в ногах не слишком много опоры. – Тильда такая красотка.

В моих силах помочь Фабиану загрузить посудомойку, и я как раз собираю со стола тарелки, когда большие и теплые ладони ложатся мне на талию.

Вздрагиваю всем телом, но не спешу оглянуться. Я чувствую, как близко он стоит ко мне, чувствую его дыхание, хочу понять, что у него на уме. Меж тем руки Фабиана обводят контуры моей талии и спускаются к линии бедер.

– Хочу остановить твои фантазии: Тильда не в моем вкусе. – Звучит его тихий низкий голос рядом с моим ухом. Винные пары обволакивают мою шею. – На измене поймать не получится.

– Кто же тогда в твоем вкусе? – чуть слышно спрашиваю я. – Хочу подготовиться.

– Себя не переиграешь, – шепчет Фабиан, чуть сильнее надавливая на мою талию большими пальцами. Мурашки бегут по коже и сбивают сердечный ритм.

Он отстраняется и забирает из моих рук тарелки, оставляя со своими словами наедине.

Что на него нашло, черт возьми черт?

Легче всего списать этот эпизод на Виуру[7] двухтысячного

[7] Сорт испанского белого вина родом из Риохи с нотами дыни, орехов и лайма.

года. Вряд ли подобное еще когда-либо повторится.

Но за все время нашего обеда Фабиан ни разу не назвал меня своим тошнотворным «дорогая».

Выдерживается в бочках из американского дуба.

Глава 7. Терпение

Каетано. Сейчас

Я идиот.

Летиция Ловего, дочь человека, бывшего правой рукой сеньора Гарсиа, действительно все это время работала администратором в лобби «Гарсиа Интерпрайзес». Я никогда в ту сторону не смотрел.

Но сейчас я решительно меняю курс от входной двери. Вместо турникетов направляюсь прямо к ней, симпатичной высокой брюнетке в белой рубашке, застегнутой на все пуговки, и черных брюках. Я ее помню, она училась с Ноэль и Офелией в одном классе. А еще я помню, как сеньора Ловего обвинили в махинациях с опционами и выставили вон через месяц после гибели Андреса Гарсиа. Полагаю, Летицию моя мать взяла для прикрытия. Чтобы не болтали, что Дельгадо удаляет из компании всех неугодных.

Будет правильным, если Летиция меня пошлет, не захотев даже выслушать. Я купил кофе в кофейне напротив и теперь несу его в качестве подношения. Думаю, начать с пожелания доброго утра, а дальше, если кофе не окажется у меня на пиджаке, буду импровизировать.

При сеньоре Гарсиа в лобби всегда стояли живые цветы в больших хрустальных вазах, а всем ожидающим бесплатно предлагали кофе. Теперь по вазам рассованы любимые су-

шеные икебаны маман, а напитки никто не предлагает. Но дух Гарсиа остался во всем: в высоких стеклянных потолках, огромных окнах и открытых пространствах. В здании столько света, что приходится бесконечно убираться, чтобы была не видна пыль. Гарсиа это было в радость, Дельгадо – сплошные растраты.

– Привет, хочу угостить тебя кофе, – выдаю я на одном дыхании, поравнявшись со стеклянной стойкой регистрации. Мозаичное панно за ней, изображающее лазурно-синее море и парящие на волнах белые паруса яхт, убрать не смогли. Слишком дорого, это работа известного итальянского художника.

Летиция, оторвавшись от бумаг, изучает меня с фирменной улыбкой администратора. Ее коллега ошарашенно переводит взгляд с нее на меня и обратно. А потом Летиция откидывает с плеча длинный хвост и выдает:

– Спасибо, любимый. Рада, что мы решили больше не скрывать наши отношения.

Так значит, Офелия ее предупредила. Она уже в игре.

Тонкая рука Летиции с длинными овальными ногтями ложится поверх моей и мягко сжимает. Она склоняет голову и заглядывает мне в глаза, словно призывая очнуться.

Я облокачиваюсь на стойку и поправляю выбившуюся из хвоста Летиции прядку.

– Пообедаем? Заберу тебя в час.

Получив согласие, оставляю Летицию с коллегой, которая

заваливает ее восторженными вопросами еще до того, как я ухожу. Чувствую себя предателем. Не понимаю, что я творю. Во что ввязываю несчастную девушку.

У турникетов натыкаюсь на маман в любимом бордовом пальто. Она явно все видела, раз застыла посреди холла с пачкой бумаг, которые ей уже успел всучить секретарь.

– Думала, ты выберешь кого-то побогаче, сынок, – отмечает она, когда мы вместе заходим в лифт.

– Чтобы ты могла и ее семью обобрать? – интересуюсь я. Фабиан получил бы за такое по шее. Мне же поправляют галстук, хоть я и не просил.

– Я рада, что ты идешь дальше, малыш. Мы одна команда.

– Разумеется. Мы же семья.

«Я люблю тебя, Каи. Скажи мне все. Я поверю каждому твоему слову».

Когда Фабиан рассказал, что наша первая встреча была предопределена, Ноа могла закатить истерику, закричать, что ненавидит меня, не дав даже шанса все объяснить. Но она посмотрела мне прямо в душу и предоставила шанс. Она любила меня и готова была мне верить.

Но я должен был ее отпустить. Спрятать, отправить как можно дальше, чтобы Дельгадо ее не нашли. Если я хотел уберечь ее, я должен был оставаться любимым сыном. Звучит так смешно и помпезно, что зубы сводит. Но хочется верить, что я все делаю правильно. Я дал семье понять, что остаюсь и сдаюсь, что не собираюсь идти против фамилии

и брата. Они меня предали, но я прощаю им это предательство. *Мы же семья.*

Я имею доступ ко всем документам и активам «Делинтерпрайзес». Я бросил плавание и углубился в изучение экономики и бизнеса, сравнялся в познаниях с Фабианом. Я больше ему не подыгрываю, не уступаю и не отстаю. Пусть и дальше самоутверждается за счет тупых шуток надо мной, но я все еще родился первым. Для маман это безусловный аргумент. Если встанет вопрос, в чью пользу увеличить пакет акций «Гарсиа Интерпрайзес», она выберет меня. Я все для этого сделал. Я все еще любимый сын.

И да. Я ничего им не простил.

Два года на телефоне с любимой девушкой и ее психотерапевтом превратили мои нервы в провода под напряжением. Я слышал ее, говорил, что люблю и получал ответ. Но ни разу я не был с ней на линии без посторонних ушей. Это было слишком тяжело для нее. Из-за меня. Поэтому теперь никаких прощений, сомнений и сожаления. Ноэль получит назад все, что мы у нее отобрали.

Я все еще жду подвоха, когда спускаюсь за Летицией в обед. Но она выплывает из-за стойки с бежевым пальто на изгибе локтя и направляется ко мне.

– Думаю, тебе стоит помочь мне надеть его, – шепчет она. Это правда. За нами наблюдает весь первый этаж. Я подаю ей руку и веду к своему Универсалу, который принципиально не оставляю на парковке для владельцев и управляющих.

– Я очень благодарен тебе, Летиция, – говорю я, едва мы оказываемся внутри салона.

– Все в порядке, зови меня Лети, – отмахивается она.

– Я постараюсь не сильно тебя обременять. Мне нужно прикрытие. Очень надеюсь, что это ненадолго.

– Сделаю все, что от меня потребуется, – заверяет Летиция. Меня настораживает ее готовность изображать мою девушку.

– Что ты хочешь взамен?

– Это и есть «взамен», Каетано.

– Не понимаю…

– Моя помощь тебе – это плата Андресу Гарсиа.

Видя мое замешательство, Летиция мягко улыбается, накручивая на палец тонкую прядку длинных волос.

– Есть целое сообщество людей, которые готовы бескорыстно и безвозмездно помочь Ноэль вернуть «Гарсиа Интерпрайзес». Во имя ее отца, потому что он был одним из самых щедрых, сочувствующих и бескорыстных людей современности. Он помог стольким детям и взрослым вылечиться от болезней, казавшихся смертельными. Оплатил обучение сотням студентов и школьников. Он давал работу, деньги, помощь и сочувствие. Сеньор Андрес помогал так тихо, что даже его семья об этом не знала. Людям по всей Испании и за ее пределами. Я уверена, что Ноэль сможет получить помощь, где бы они была, стоит только назвать свою фамилию. Ведь Офелия и я – только двое из целого списка.

– Есть целый список? – вырывается у меня. Я ошарашен полученной информацией, потому что понятия не имел, какие благие дела творил сеньор Гарсиа. Впрочем, он дал работу и моему отцу тоже. И вот, чем все закончилось. Но мне просто необходимо знать, есть ли в списке сочувствующих Клето Морено. Ведь с недавних пор он в Лондоне. Рядом с Ноэль.

– Сложно сказать, существует ли физически этот список. Но у нас есть чат, я могу узнать там, – предлагает Летиция.

– Нет, не нужно, – быстро отвечаю я. – Пообещай мне кое-что.

– М? – карие глаза сужаются.

– Первое: ты не будешь рисковать своей жизнью ради Ноэль. Она это дело не любит. И для этого есть я. Второе: как только ты захочешь выйти из этой игры, ты мне скажешь. И третье: если кто-то за что-то будет предлагать тебе деньги, пожалуйста, не бери. Я дам тебе вдвое больше.

– Мне есть ради чего помогать тебе, Каетано, не волнуйся.

Сделка закдючена.

Я угощаю Летицию обедом, а когда мы возвращаемся в офис, испытываю что-то вроде облегчения впервые за два года. Андрес Гарсиа не забыт. Он никогда не канет в небытие. Справедливость будет обязательно восстановлена.

Мое приподнятое настроение очень быстро разбивается о дверь кабинета маман. Она отправила мне пять сообщений, пока я парковался, требуя немедленно подняться к ней на

этаж маркетинга. Здесь теперь царит суровый и непрощающий ошибок матриархат.

Фабиан уже там. Стоит у огромного окна с видом на парк Кольсерола[8] и раздраженно косится на часы, когда я захожу, одним взглядом намекая на мое очередное опоздание. Маман расхаживает вперед-назад, глубоко задумавшись. Вздрагивает, когда я закрываю за собой дверь.

– Итак, – вступает она, и тон ее голоса не сулит нам ничего хорошего, – из нашего офиса в Пуэрто-Рико пришел запрос о назначении временно исполняющего обязанности главы. На мой вопрос, где постоянный, был ответ: в отпуске за свой счет. За свой счет! – Рявкает маман. Фабиан вздрагивает, но старается держать лицо. – Где, черт возьми, Клето Морено?! Он должен быть у нас на виду. На нашей стороне. Вы же понимаете, что ей уже двадцать один, а о ней нет никакой информации! Пусто. Что, если Клето ее нашел?

Мы с Фабианом оба молчим. В монологи маман лучше не вмешиваться. Она так нервничает, что лицо раскраснелось, а черные, как шкура боевого быка, волосы растрепались от постоянных мотаний головой.

– Она появится. Я чую. Я знаю, что рано или поздно эта ненормальная еще потреплет нам нервы! *Такие* просто так не исчезают, нет! – рычит она, нервно постукивая красными ногтями по столешнице, явно что-то замышляя.

– Фабиан, – щелкает она пальцами, – разберись. Найди

[8] Самый большой городской парк в мире, расположен на горе Тибидабо.

мне их обоих. Только не запрашивай ничего у Пуэрто-Рико. Они могут предупредить Морено.

Все внутри меня опадает. Это именно то, что я не предусмотрел. Если за дело возьмется Фабиан, все пропало. Он найдет их мне назло.

– Я занимаюсь финансами, а не сыском, – неожиданно подает голос мой брат. – Кого волнует судьба девчонки Гарсиа, тот и должен ее искать, я полагаю.

– Что за вздор?! – вскипает маман. Она, как и я, не была готова к отказу. – У Каетано есть девушка.

– А у меня – невеста, – упрямо возражает Фабиан. Ого.

– Эта невеста променяет тебя на мешок денег побольше при первой же возможности!

– В таком случае, я лучше потрачу время на то, чтобы обезопасить «Делинтерпрайзес» на случай возвращения Ноэль, – со всей возможной невозмутимостью говорит ей Фабиан. – Иначе, такими темпами, следующий скачок цен на акции приведет к тому, что у нас просто нечего будет отнимать.

– Фабиан, да как ты смеешь?! – у маман от злости и удивления брови взмывают к волосам.

– Я не собираюсь мотаться по городам Аргентины и выискивать вам эту девчонку.

Маман бросает короткий взгляд на Фабиана, потом на меня. «Она проверяет реакцию», – вспыхивает тревожная кнопка в моей голове.

– Ты кусок поганого дерьма! – рявкаю я со злостью. Шагаю на Фабиана, угрожающе вскинув кулак, но маман встает между нами, наконец, начав получать удовольствие от сложившейся ситуации. Она думает, что почти обнаружила Ноа.

– Прости, я думал, ты знаешь, – оправдывается Фабиан, выглядывая у маман из-за спины. По блеску в его глазах я понимаю одно: он *знает*, что Ноэль не в Аргентине. От этого к горлу подкатывает тошнота.

Маман круто разворачивается к нему на каблуках, вновь щелкнув пальцами.

– Разберись с этим. Отправь в Аргентину команду и найми пару детективов.

– Как я уже говорил, я вам не ищейка, и не собираюсь заниматься сыском, – невозмутимо отвечает Фабиан.

Маман уже на пределе. Она потеряла Клето и уверена, что обнаружила Ноэль. Послушный сын ее отфутболивает и тычет носом в неумение управлять корпорацией. Ответ Фабиана ее просто добивает. Она размахивается и со всей силы дает ему по лицу.

Пощечина звучит оглушительно в тишине кабинета. Фабиан не ожидал удара. Страх парализует его. Паника зарождается в его легких и вот-вот распространится по всему его телу. Яд и токсины панической атаки.

– Я полагаю, всем до завтра, – роняет он.

– Рассчитываю услышать адекватный ответ от тебя завтра! – предупреждает маман.

– Вмажь хоть трижды. Мой ответ «нет», – отвечает Фабиан и хлопает дверью у себя за спиной.

Его скоро скрутит. Может быть, не в ближайшие минуты, все-таки он уже взрослый, но в течение часа точно. Он уже сейчас борется с онемением в пальцах. Если он собирается домой, как же он поедет? Воображение милостиво подкидывает картину, как Порше моего брата таранит мусоровоз, оставляя лишь груду металлолома и лужицу крови.

Если я рисую такое в своей голове, это не значит, что я желаю увидеть подобную картину в реальной жизни.

– Я скоро вернусь, – кидаю маман и спешу к лифтам.

Отлично, он уже не может справиться с ключами. Непослушными руками Фабиан пытается нажать на кнопку и разблокировать машину. Заметив меня, старается еще отчаянней.

– Вали.

– Дай мне ключ, – прошу я.

Я уже не маленький ребенок, мне не нужна нянька, – нервно огрызается Фабиан.

– Знаю, дай ключ.

После очередного падения брелока на асфальт, Фабиан все же сдается.

Я первый раз оказываюсь за рулем его тачки. Мозг просчитывает минимум три варианта урона, который я могу ей нанести: царапнуть борт об ограждение, снести боковое зеркало, неудачно вписавшись в поворот… сейчас Фабиану бу-

дет все равно. Он растекается по сиденью и отворачивается к окну. Ехать недалеко, так что надеюсь, он не успеет забрызгать меня ядом. Но спустя пару минут гробового молчания Фабиан все же подает голос.

– Ты знаешь, что мать хотела ее убить? Не выпускать из Испании и не отправлять в дурку.

– Не хочу об этом говорить, Фабс. Я просто везу тебя домой, – отвечаю я, крепче стискивая руль.

– Она не убила ее лишь потому, что ты бы ей этого не простил. Мама не может потерять любимого сына, она пойдет на любые жертвы, лишь бы не утратить твое расположение. Советую этим пользоваться. Под их управой «Делинтерпрайзес» долго не протянет. – Фабиан поворачивает голову, и я ловлю его взгляд. Дьявольское отражение меня самого.

В уставших карих глазах читается выражение, которого я прежде никогда не видел и не могу описать словами. Как если бы мы были близки, точно настоящие близнецы, и он волновался за меня, что технически, разумеется, невозможно.

– Каи, что бы ты не планировал, Клето Морено играет не за Дельгадо. Я тебе это гарантирую.

Глава 8. Ты не одна

Офелия. Сейчас

Променять пловца под два метра ростом с телом и голосом древнегреческого бога на курчавого зануду, в базовой комплектации которого отсутствует чувство юмора, серьезно? Я что, зря потратила столько нервов на то, чтобы Эли не порезалась где-то в углу от одного только голоса Каетано?!

Я верила в их любовь до гроба, как дети верят в Ратона Переса[9]. Я не согласна на такой финал. Есть только одно «но»: меня никто не спрашивал.

Клето старше ее на пять лет, но разница в возрасте совсем не ощущается, они вечно болтают о чем-то после нашей смены, когда он заглядывает в «Жардин». Нет, они не встречаются, даже не целовались ни разу. Черт, они совершенно друг другу не подходят. Ноэль – маленькая и бойкая, а он неповоротливый зануда с заумными серыми глазами, которые сверкают яркими фонарями на загорелом лице. Зачем он ей сдался?

Каетано, кстати, отмалчивался по этому поводу целую неделю. Сегодня днем первый раз он сам заговорил о Клето. Задавал вопросы, на которые у меня нет ответов: о чем они говорят, что делают, каковы мысли у Ноэль насчет воз-

[9] Испанская зубная «фея». Мышонок, который забирает молочный зубик ребенка в обмен на небольшой подарок.

вращения. Он выбесил меня так, что я бросила трубку, не дождавшись «ладно, милая, до завтра».

Что я могу с этим сделать? Я в курсе, что Клето работает в компании ее отца. Знаю, что он управляет филиалом, помешавшим ей возглавить корпорацию до двадцати одного года. Если он действительно приехал помочь, может быть, мне и не стоит вмешиваться?

– Ты сейчас протрешь дырку в этом столике, Фео, – Ноэль толкает меня бедром, вырывая из задумчивости. Я рассеянно моргаю и провожаю ее взглядом, пританцовывающую под песню на радио.

Сегодня у нас традиционный вечер танцев под испанскую музыку, когда бар работает до рассвета, сангрия льется рекой, а Альваро Солер и Энрике Иглесиас утанцовывают гостей до потери пульса. Мы хорошо подготовились: нарезали фрукты, развесили лампочки и раздвинули столики, чтобы освободить место для танцев.

У Ноэль всегда отличное настроение в такие ночи. Она кружится вместе с подносом, разнося гостям закуски. К Энрике она несколько равнодушна, а вот перед Альваро устоять никак не может.

– Давай же, Офелия! Живи! – Ноэль тянет меня за рукав рубашки, увлекая за собой от барной стойки. Я успеваю только передать Алфредо телефон, чтобы он снял нас на видео для Каетано. Прыгая, точно зайчик, Эли отбивает ритм начавшейся Volar, и черная ленточка сползает с коротких во-

лос.

Хлопая и кружась вокруг своей оси, она приковывает к себе всеобщие взгляды. Ее радостные свободные танцы южанки расковывают англичан, и к нам в центр тянутся разгоряченные коктейлями и музыкой гости. Мы прыгаем и хором подпеваем любимым песням. И через нас двоих родная Испания зажигается в сердцах собравшихся сегодня ночью в «Жардин».

Сейчас все в точности так, как было дома, когда мы танцевали на родительских террасах, ночных пляжах или в «Беспамятстве». Радость становится щемящей, почти болезненной. Ноэль кружится и скачет, отдавая этой ночи всю себя. Сегодня не может случиться ничего плохого. Я позволяю себе расслабиться и отправляюсь танцевать со Стефаном, барменом. Он флиртует со мной под Bailando, и его руки блуждают по моему телу. Стефан – чистокровный англичанин с глубоко посаженными серыми глазами и вздернутым носом. Светлая шевелюра волос и безобразный шотландский акцент, из-за которого я еле-еле его понимаю. Но в поцелуях слова не нужны, так что меня все устраивает.

А потом динамичная мелодия сменяется другой, более лиричной, и мои ноги прирастают к деревянному полу. Мозг судорожно пытается понять, откуда сегодня играется музыка. С моей флешки… а на моей флешке…

– Летний жаркий ветер,

Твои глаза, как шоколад.

Тону я в сладком бреде,
Сбиваешь с ног, как водопад.

Когда тебя увидел,
Разбилось сердце пополам.
Как-будто кто-то намагнитил
Меня к твоим губам.

Песня Каетано, которую он написал к девятнадцатилетию Ноэль.

Люди вокруг разбиваются на парочки, продолжая танцевать. Конечно, большинство из них не знает испанского, не вдается в смысл слов и не понимает, почему прыгавшая, как цикада, блондинка замирает вдруг в центре кружащихся пар, прикрывает глаза и тихо подпевает словам песни:

– Беги сколько угодно,
Теперь ты моя цель.
И я влюбился безысходно
В девчонку с именем Ноэль!

Рука лежит на сердце, а по щекам стекают слезинки одна за другой. Я слышу всю боль, которую она вкладывает в знакомые слова. Красивый голос Каетано наполняет «Жардин». В голове всплывают образы с той вечеринки в «Беспамятстве». Нашей последней вечеринки. Невыразимая усталость и тоска по дому начинает давить и на меня тоже. Я отталкиваю Стефана, не желая дальше танцевать. Хочу, чтобы Алфредо немедленно переключил эту песню, но он слишком

увлечен танцем со своей подругой.

Ноэль срывается с места и вылетает из бара. Бегу за ней, проталкиваясь сквозь толпу танцующих, боясь, что она способна натворить глупостей в таком состоянии. Но вот она, сидит на ступеньках, съежившись от холода, и рыдает, уткнувшись лицом себе в колени.

С черного лондонского неба падают крупные снежные хлопья. Они стелются на высокие крыши домов и пытаются догнать проезжающие мимо нас машины. Люди суетятся на улицах Сохо, выбирая, где опрокинуть по стаканчику, будто сегодня пятница, а не среда. В эпицентре общего воодушевленного веселья горе Ноэль кажется сильнее и больше.

Она вывезла на своих плечах столько потерь за последние несколько лет, которые людям, как правило, выдаются порционно и с большими временными промежутками. Она все так же жадно любит жизнь, как любят трехлетки, чистые, как белый лист. Жаль, что мы уже не трехлетки, и наши бедки растут пропорционально нам самим. А у кого-то и вовсе достигают необъятных и необратимых размеров.

В школе я считала Ноэль своей вечной соперницей, так оно и есть. В спорте своих не бросают. Дело чести. Можешь помочь – помоги. Жаль, что в моей семье спортсменов нет.

Я накрываю Ноэль прихваченной рабочей курткой и опускаю голову ей на плечо. Я не замена тому, о ком она плачет, но все же слезы заканчиваются быстрее, когда ты льешь их не один.

Ноэль. Сейчас

Боль весом с синего кита – вот, что я сейчас чувствую.

Я жалею о каждом дне, который провела вдали от Каетано. Мое сердце разбито, но оно разбито от того, какую цену нам пришлось заплатить за свою ослепляющую и крышесносную первую любовь. Мы пытались разобраться друг в друге, а стоило бы смотреть по сторонам.

Два года разговоров по телефону на контроле у доктора Литла. Два года коротких звонков с тихими обещаниями и словами любви. Каетано пользовался слепой любовью и доверием матери, которая считала, что я ушла из его жизни. Каждым своим звонком он предавал семью ради меня. И правда в том, что я хотела, чтобы он *перестал*. Чем жарче звучали его признания, тем сильнее мне хотелось, чтобы он предал меня в ночь гибели папы. Я осознала это в тот вечер, когда мы только прилетели в Лондон и Офелия дала мне телефон.

Я сказала тогда, что ненавижу любить его. И это действительно так. Моя любовь к этому парню так огромна, что сердце трещит по швам. Но я ненавижу любить его, потому что однажды его желание спасти меня может стоить ему жизни. И это меня уничтожит.

Я думала, два этих года были адом. Но нет. Ад – это кромешное, тотальное одиночество. Все мои близкие лежат в могилах на одном кладбище. Они спят в земле без возможности проснуться. Их кресты из белого мрамора смотрят,

как восходит солнце, но завтра для них уже никогда не наступит. Если Каетано окажется там вместе с ними, я проиграю «Una Vida». Потому что Каетано и есть моя жизнь.

Его песня, случайно зазвучавшая в «Жардин», чистый и счастливый голос, коснувшийся моих ушей сквозь мучительное время, и острая тоска по теплому морскому ветру выбили почву у меня из-под ног. На несколько мгновений мне показалось, что лондонские снежные тучи раздвинулись и моих плеч коснулось страстное и жаркое испанское солнце.

Я снова всхлипываю, и белая в веснушках рука Офелии посильнее сжимает мое плечо. Светло-рыжая макушка пахнет табаком и кухней, но этот запах стал роднее запаха хлорки. Сама того не ведая, эта колючка заменила мне сестру, которой у меня никогда не было. В ее сердце оказалось столько сострадания, о котором я даже не догадывалась. И мне никогда не отблагодарить ее за это.

Фео вздрагивает под порывом ветра, и я отстраняюсь, чтобы пустить ее к себе под куртку. Судя по необъятным размерам, она принадлежит Стефану, фанату оверсайза.

– Ты как, Эл? – тихо спрашивает она.

– Я хочу поговорить с ним.

– Пловчиха-крольчиха, ты серьезно?! – зеленые глаза с лисьим прищуром в удивлении округляются. Я фыркаю, услышав свое старое школьное прозвище.

– Дашь мне телефон?

– Твою мать… – Офелия расстроенно вздыхает. – Боюсь,

сегодня он уже не позвонит, прости, пожалуйста. Мы с ним поцапались из-за Клето Морено.

Я обреченно опускаю голову.

Мое сердце больше не выдержит. Я готова и хочу поговорить с ним одна. Только он и я на телефонной линии и за ее пределами. Заметив мое уныние, Офелия лезет в карман за телефоном и кладет его мне на колени.

– Вот что, пусть он побудет сегодня у тебя. Иди домой, ладно? Тебе нужно успокоиться. Я закрою смену. В следующий раз, когда он позвонит, ты сама возьмешь трубку, идет?

– Спасибо, Фео, – я в сотый раз шмыгаю покрасневшим от холода носом.

– Все чаевые мои-и-и! – фальшиво тянет она и, тряхнув длинным рыжим хвостом, скрывается в «Жардин».

Я поплотнее закутываюсь в куртку Стефана и, зажав продрогшими пальцами телефон, поднимаюсь с крыльца. Наша квартира – несколькими этажами выше, но я решаю дойти до круглосуточного супермаркета, чтобы купить нам банку растворимого кофе на завтра. И когда я перехожу дорогу обратно, телефон Офелии вибрирует у меня в руке. Это какое-то чудо, не иначе. Пихнув банку в необъятный боковой карман куртки, я поспешно принимаю вызов. Номер неизвестный, но сердце его узнает. Открываю рот, но слова из него не идут. Я в ужасе застываю на месте прямо посреди тротуара.

– Ну ало, блин, – звучит любимый раздраженный голос. – Ты теперь в молчанку играешь? Фео, ну извини, что я вспы-

лил. Просто этот херов Клето мне все нервы поднял. Как там моя девочка?

– Нормально, – выдавливаю я. Мой голос охрип то ли от нервов, то ли от слез. На другом конце линии повисает шокированная тишина.

– Ноа… – наконец слышится не то стон, не то вздох. А потом включается тревога. – Ты в порядке?! Где Офелия?

– Я одна. Она оставила мне телефон. В «Жардин» заиграла песня, которую ты подарил мне, и… – я шмыгаю носом, – плотину прорвало.

– Мне очень жаль, – шепчет Каетано. И его шепот мурашками отдается в моем теле. – Но ты здесь! Ты говоришь со мной, Ноа!

– Сколько можно убегать. Любовь к тебе никогда не пройдет, – тихо отзываюсь я, и голос мой предательски дрожит.

– Я твоя боль. – Помолчав, заключает Каетано. Он прекрасно читает между строк.

– Ты моя любимая боль.

– Но я живее всех живых.

– Поэтому я и говорю с тобой, Каи.

– Я всегда буду рядом, – порывисто обещает он.

– Я очень на это надеюсь, – всхлипываю я. Мое сердце беснуется в груди, кровоточа всеми своими ранами одновременно. Хочу его обнять, хочу ощутить тепло и аромат его кожи, хочу обжигающей близости, хочу его силы и безопасности.

– Не плачь, прошу тебя. У нас мало времени. Расскажи, что ты делаешь? – Каетано пробует меня отвлечь, но я все равно улавливаю дрожь в его голосе, ласкающем мой слух.

– Возвращаюсь домой. Ходила за кофе.

– В кофейню?

– В магазин, за банкой растворимого.

– Бу-э.

– Мистер сноб! – смеюсь я, и Каетано вместе со мной.

– Я люблю тебя, Ноа. Так сильно…

– Так сильно… – эхом отзываюсь я.

– Пора прощаться.

– Скажешь мне: «ладно, милая, до завтра»? – прошу я, снова готовая расплакаться.

– Нет.

– Почему? – всхлипываю я.

– Я скажу тебе что-то другое, готова?

– Нет! – первая слеза уже выезжает из моего глаза.

– Ноа.

– Готова.

– Обернись.

Глава 9. Один разговор

Каетано. Сейчас

Это самый бесценный момент моей жизни. Тот, что станет последним воспоминанием перед тем, как рассудок угаснет навсегда. Сколько бы времени не прошло. Маленькая фигурка в безразмерной куртке вздрагивает и быстро оборачивается, ища меня среди гуляющих в Сохо.

Она бросается мне в руки так стремительно, словно хочет перепрыгнуть через пропасть, разделившую нас на два мучительных года, чтобы нам снова стало девятнадцать. Ищу ее стройное тело в складках чужого пуховика и, *наконец-то* обхватив за талию, поднимаю к себе на руки. Ноа мгновенно разражается слезами, уткнувшись мне в плечо и обвив шею руками. Головокружительный аромат крема с карите едва не сбивает с ног. Я запускаю пальцы в короткие золотистые волосы и крепче прижимаю к груди свою девочку.

Мне понадобился ровно час после разговора с Фабианом на принятие этого решения. Сегодня он еще не станет ее искать. До Лондона лететь меньше трех часов, у нас разница во времени в один час. Никто не заметит моего отсутствия, если я уеду на одну ночь. Я знаю, что здорово рискую, но Ноэль пора возвращаться. Мне нужно предупредить ее о Клето.

Только… не прямо сейчас. Не когда любовь всей жизни извивается в моих руках, желая прижаться посильнее. Она

отрывается от моего плеча и нетерпеливо всхлипнув, тянется к моим губам.

Это, определенно, самый сокрушительный и безумный поцелуй в моей жизни. Потому что ему предшествовало два года голода. Потому что моя девочка со мной здесь и сейчас. Потому что я верну ее домой несмотря ни на что.

Я хочу углубить поцелуй, но Ноэль не дает.

Отстранившись, она ловит мой взгляд. Потемневшие карие глаза глядят на меня с упреком и болью. Я держу ее на руках, и ее стройные длинные ноги обвивают мою талию. Мы стоим посреди узкого тротуара, мимо снуют завсегдатаи баров Сохо, выражая свое недовольство, но это не имеет никакого значения. Я дам Ноа выплеснуть все, что копилось в ее груди годами, поскольку виню себя во всем случившемся. Дельгадо вошли в ее жизнь, потому что я не смог устоять перед ней. Босоногой блондинкой в голубом платье.

– Ты разбил мне сердце этой разлукой.

– Я разбил два сердца разом, Ноа, – отвечаю я, потираясь носом о ее, обиженно шмыгнувший, – но это была плата за твою безопасность, малыш. Мне нужно было тебя отпустить.

– Малыш, – говорит она.

– М?

– Новое прозвище, – поясняет Ноа, чуть заметно улыбаясь. – Раньше ты звал меня малышкой, помнишь? – с надеждой спрашивает она.

– Помню ли я? О, Ноа, ты даже не представляешь, что я

помню. Я помню, как увидел тебя впервые ночью в Бенидорме. Помню, как ты зашла в мужскую душевую и отчитала меня после отборочных, – мой шепот стелется вдоль ее шеи и обжигает ухо. Ноа льнет ко мне, сладко вздыхая. – Я помню Морайру и ту последнюю ночь на яхте. Вечеринку в белом и наше первое свидание на пляже Кап Негрет. О, малышка, я помню абсолютно все, что было на пляже Кап Негрет…

На щеках Ноэль расцветает румянец смущения, и от этого бесы во мне срываются с цепи. Я завладеваю ее ртом, не дав даже вдохнуть. К черту, пусть забирает мой кислород. Весь, до последней молекулы.

Когда ее пальчики цепляют мои волосы на затылке и настойчиво оттягивают их, из моей груди рвется нетерпеливый стон. Она сводит меня с ума. Вся она. Трехлетний голод достигает своего пика. Я толкаю ее носом и засасываю чувствительную кожу на шее. Ноэль выгибается и порывисто вздыхает. Ее поцелуи рваны и неистовы, будто она скучала по мне так же сильно.

– Впусти меня… – хриплю я, оторвавшись от нее, чтобы заглянуть в мутные пылающие огнем глаза.

– При одном условии, – выдыхает Ноа. – Ты трахнешь меня так, будто и не было этих двух лет.

– О, я однозначно в деле, малышка.

Я не знаю, как нам удается преодолеть три лестничных пролета и открыть хлипкую дверь ключом, а не снести ее с петель. Мы вваливаемся в крохотную квартирку, стаскивая

друг с друга одежду. Я опрокидываю вешалку и натыкаюсь на комод, не видя ничего в темноте. Ноэль смеется и увлекает меня за собой по узкому коридору в глубину квартирки. Заскакивает в одну из комнат и выбегает оттуда с пачкой презервативов. А после затаскивает меня в спальню, где буквально все пропитано ее нежным ароматом крема с карите, и хлопает дверью. В свете уличного фонаря я вижу узкую односпальную кровать у окна, пушистый ковер, скрывающий грубые доски пола, рейл вместо шкафа и кресло-подушку.

Ноэль уже расправилась с ремнем на моих джинсах, и я спешу сократить разрыв в количестве одежды на наших телах. Снимаю с нее брюки и вступаю в схватку с пуговками на рубашке, но в конце концов просто стаскиваю ее через голову. Ноэль скидывает бюстгальтер и остается передо мной в одних только маленьких сиреневых трусиках. В темноте, которую разбавляет лишь свет фонаря, я обвожу взглядом каждый изгиб ее совершенного тела. Маленькая грудь вздымается от частых вдохов, соски напряжены и манят прикусить, а после зализать остроту ощущений. Округлые бедра требуют немедленно сжать их, развести и войти до основания. Чтобы было громко, влажно и восхитительно тесно.

– Сними их, – севшим голосом прошу я, кивая на сиреневые трусики. Ноа взволнованно вдыхает и спускает кружевную ткань вниз по своим длинным ногам. Любуясь заветным треугольником, я перестаю соображать вообще. Вся кровь из мозга приливает к паху, напрягая член до предела. Стаски-

ваю джемпер и остаюсь в одних джинсах.

– Коснись себя, Ноа, я хочу видеть, что ты готова для меня, – прошу я.

– Это привилегия голых, – шепчет она, кивая на джинсы.

– Долой их. Только покажи мне себя, малышка.

– До конца, – просит Ноа, облизывая пухлую нижнюю губу. Я стаскиваю боксеры и приваливаюсь спиной к стене. Мое тело удостаивается похотливого оценивающего взгляда. Он задерживается на тату осьминога и, спускается ниже. Гипнотизируя мой член, Ноа ведет подушечками пальцев по плоскому животу ниже и ниже, пока они не погружаются в жаркое и манящее меня лоно. Я знаю, как там горячо и мокро, но хочу это видеть. Ноэль поднимает на меня глаза и начинает ласкать себя неспешными, но ритмичными круговыми движениями.

Растрепанные светлые волосы едва касаются плеч, глаза возбужденно сверкают в полумраке, а с губ срывается тихий протяжный стон. Движения ее пальцев становятся быстрее.

– Мне не привыкать ласкать себя, думая о тебе, Каи. Но хочу сообщить, – Ноа всхлипывает, и я угадываю зарождающийся в ее теле оргазм, – что кончаю всякий раз, как в моей голове звучит твое…

Я стремительно приближаюсь и, тесно прижав к своему члену, меняю ее пальцы на свои. Накрыв сочащийся влагой клитор, я шепчу в приоткрытые губы:

– Кончи для меня, малышка…

Насаживаю ее себе на пальцы, срывая вожделенный громкий стон. Ноа запрокидывает голову, целиком и полностью вверяя свое тело в мои руки. Ее глаза закрыты, короткие светлые волосы обрамляют красивое, окутанное страстью лицо. Вдохи становятся поверхностными и хаотичными. Ноа выкрикивает мое имя, сжимаясь вокруг моих пальцев. Тело бьют судороги оргазма. Но я крепко держу ее в своих руках до тех пор, пока в ней не затихает дрожь.

Я целую приоткрытые губы и подхватываю Ноэль на руки, чтобы отнести на кровать.

– К звездам! – просит она, когда я устраиваюсь сверху и раскатываю по члену презерватив.

– К твоим подружкам, Ноа? Нет уж, не хочу ни с кем тебя делить. Я доставлю тебя прямиком в бездну, чтобы на миг ты забыла свое имя.

– Даже там я все равно буду помнить *твое*.

Вот так просто. Несмотря на все, что сделали Дельгадо. Несмотря на то, что я это допустил.

– Ноа, я люблю тебя.

Я вхожу в нее быстрым сильным толчком. Громкий стон срывается с ее губ вместо ответа. Пальчики с короткими ноготками впиваются в мои плечи.

Уперевшись в жесткий матрас локтями, толкаюсь в нее, растягивая и раз за разом увеличивая силу проникновения. Хочу каждому нерву в ее теле сообщить о своем возвращении.

Ноа стонет, подаваясь бедрами наверх. Глухо зарычав, начинаю трахать ее так, как она об этом просила. Я придавливаю ее к кровати своим весом и вколачиваюсь в нее грубо, жадно и нетерпеливо. Кровать умоляюще скрипит, изголовье стукается о стенку в такт моим толчкам. Это раззадоривает меня, в голове туман, есть только она и я внутри нее. Я, совершенно обезумевший и потерявший над собой контроль. Ноэль кричит, расцарапывая кожу рядом со шрамом на моей спине. В дальнем уголке отключившегося мозга пульсирует тревога: я делаю ей больно.

Мне все же удается прийти в себя и сбавить обороты. Движения бедрами становятся более тягучими и проникновенными, и я напрягаюсь всем телом. Но мою попытку обуздать несдержанность Ноэль воспринимает недовольным всхлипом.

– Сильнее! – требует она.

– Вот, как тебе нравится, малышка, – ухмыляюсь я, вновь наращивая темп.

– Ты такой только в постели, и только я тебя таким вижу… – с жаром шепчет Ноа.

– Да, это только для тебя.

– Воспитанный скромный мальчик, который не любит привлекать к себе внимание… – дразнит она.

– Я не мальчик! – рычу я, прикусывая нежную кожу ее шеи.

– Совершенно точно нет!

Наши поцелуи, крики и шлепки тел друг о друга наполняют маленькую комнатку. Тела покрываются испариной. Я уже на пределе. От желания кончить темнеет в глазах, но я ни за что не сделаю это без Ноа.

Закидываю ее ногу себе на плечо и, вновь придавив своим весом, проникаю так глубоко, что Ноа взвизгивает. Я припадаю к ее уху, обжигая пошлостями, от которых ярче вспыхивают ее нежные щеки. Свободной рукой надавливаю на текущий клитор, Ноэль перестает кричать, лишь часто-часто хватает губами воздух. Чувствую, как она сжимается вокруг меня и отрываюсь от уха. Хочу видеть ее лицо в этот миг.

– Сделай это для меня… – хриплю я.

Она выгибается и выкрикивает мое имя, сотрясаясь всем телом, от чего я взрываюсь следом за ней. Оргазм обрушивается на меня мощной ослепляющей волной.

Ноэль дрожит в моих руках, пока я остаюсь внутри и соединяю наши губы в глубоком долгом поцелуе. Он рисковал бы перейти во второй раз, но мне нужно сменить презерватив.

– Ну я как будто порно посмотрел, придурки! Спите уже! – сообщает голос за стенкой.

Хочу что-то сказать, но Ноа опережает.

– Завали, Арчи, или я скажу мистеру Джойсу, кто паркует свой байк на его клумбе по средам! – звучит ее охрипший, но очень грозный голос.

– Понял! – прилетает ей ответ.

Не могу сдержать улыбку. Моя девочка научилась ругаться, как сапожник, на настоящем английском. Это великолепно.

Ноа, как ни в чем не бывало, заворачивается в мои объятия, точно в одеяло, и уютно устраивается у самого сердца.

– Ты мой. Ты здесь, – тихо говорит она, будто сама не верит. Ее ладошки скользят по моей груди, обводя каждую мышцу, пальцы касаются татуировки осьминога, обводя каждый щупалец. Будто и не было эти лет.

Но они были. Больше никакого голубого цвета. Волосы подстрижены и едва касаются плеч. На маленьких ладошках заветренная кожа от постоянной возни с посудой.

Она лежит рядом мной и сквозь полумрак изучает мое лицо. Я не знаю, что она в нем видит, но ее темные глаза наполняются слезами.

– Ты разбил мне сердце, Каи, – шепчет она. И я сразу же понимаю, о чем она говорит.

Я не рассказал ей тогда.

– Отец попросил присмотреть за тобой, пока сеньор Гарсиа в отъезде. Он сказал, вы пережили серьезную утрату и остались вдвоем. Но он не уточнил, что потерь было две.

Ноэль судорожно втягивает носом воздух, и я осторожно сжимаю ее крепче.

– Это должен был быть Фабиан, Ноа. Я просто отвез его в «Беспамятство», потому что он планировал напиться после очередной панической атаки. Я не знаю, что он там вытво-

рял и в какой момент ему на глаза попалась Карла. Когда началась облава, он позвонил. Сказал, мне нужно срочно приехать, потому что он должен проверить, в безопасности ли твоя подруга. Я крутился в шиномонтажке у знакомых ребят, поэтому вовремя оказался рядом.

– И я выскочила тебе под колеса.

– Наша первая встреча не была случайной. Но она определенно была самой важной в моей жизни. Я не хотел давать тебе повода думать, что ты была нашей с Фабианом игрой. Никогда не была. Всегда выше правил, принципов и споров. Я жалею только о том, что не понял планов своих родителей и не смог спасти твоего отца. Ненавидь меня. Используй, как тебе будет нужно. Я все это заслужил. Я здесь, чтобы вернуть тебе «Гарсиа Интерпрайзес». Любой ценой. И я безумно тебя люблю. Не переставал любить.

– Я это знаю, – шепчет Ноа. Ей хочется сказать что-то, но она медлит. Обводит подушечками пальцев мои брови, крылья носа и контуры губ. – И меня это пугает.

– Почему?

– Потому что ты бросился под колеса птичников, чтобы их остановить, Каетано. Ты пошел наперекор своей семье ради меня. Мне страшно, куда может завести тебя твоя любовь ко мне. Я хочу, чтобы ты смог остановиться, всхлипывает Ноа. – Я не могу потерять и тебя.

– Все будет хорошо, – шепчу я, заключая в ладони ее лицо и ловя выкатившиеся из глаз слезинки.

– Это мне не подходит. Дай мне тысячу.

Мое сердце вздрагивает. Она не забыла обещания, которое я дал ей в ночь нашего официального знакомства. Моя девочка поняла правила этой игры.

– Каи…

– Чтобы ты получила назад «Гарсиа Интерпрайзес», я дам тебе тысячу, – тихо говорю я. Так хотя бы будет честно. Ноа громко всхлипывает, неудовлетворенная моим ответом.

– Ненавижу любить тебя.

– Возвращайся и забери свое, – прошу я, потираясь о нее носом.

– Не могу… – Ноа опускает глаза. – Я все еще психически нестабильна. Справка о наступлении ремиссии выдается спустя год без единого приступа.

– Когда наступит год?

– Восемнадцатого апреля, – почти беззвучно отвечает она.

– Это мой…

– День рождения.

– Ноа…

Ноэль берет мою руку и прикладывает ее к своей маленькой ладошке. Наши пальцы тут же сплетаются в замок.

– Думаю, это может быть засчитано, как признание в любви от чокнутой с несуицидальным синдромом.

– Определенно, – с горечью улыбаюсь я.

– Когда ты улетаешь?

– Через пару часов.

Ноа всхлипывает, но сдерживает слезы.

– Малышка, я прилетел, чтобы предупредить, Клето Морено тебе не друг, не доверяй ему, слышишь? Он что-то вынюхивает. Прошу тебя, не подпускай его, пока я не разберусь, что у него на уме.

Она кивает.

– Я понятия не имею, с чего начать, – признается она. – Не могу же я просто заявиться к твоим родителям и потребовать освободить папин офис.

– Было бы здорово, – мягко усмехаюсь я.

– Отвлеки меня. Расскажи, как дела у Карлы и Лукаса? – просит Ноа, поудобнее устраиваясь у меня на плече. – Я скучаю по ним, хоть мы и отдалились друг от друга после смерти папы.

– Боюсь, нечего рассказывать. Лукас улетел в Бостон и поступил в Гарвардскую медицинскую школу буквально через несколько недель после твоего изгнания. Он влез в большой скандал, поэтому такая спешка.

– Он нашел того, кто управляет птичниками? – тут же оживляется Ноа.

– Я не уверен, малышка, потому что там фигурировало и имя Карлы.

– Может быть, он признался ей в любви и получил по своей кучерявой башке? – улыбается Ноа. – А что… Карла?

– Готовится к фиктивному браку с Фабианом. Ее семья хочет твои деньги, а моя – статус Лурдес в обществе, чтобы

отмыться от прозвища воров.

– Значит, если я верну состояние, Карла будет свободна?

Я не нахожусь, что ответить. У Ноэль большое сердце, она не видит скрытое зло и людское тщеславие, потому что это чуждо ей самой. Ей не стоит знать, что из глаза ее дорогой подруги ни слезинки не упало за время ее отсутствия.

Задумавшись, Ноэль теребит на шее кулон. Я уже не первый раз смотрю на него за эту ночь, но не могу понять, чем именно он притягивает мой взгляд. Тянусь через ее голову и включаю ночник. Едва теплый свет обволакивает комнату, все становится на свои места.

– Ноа, у тебя есть банковская ячейка?

– Нет… – растерянно отвечает она. Следит за моим взглядом и растерянно улыбается. – Это последний папин подарок, который я смогла уберечь от ревизии Фабиана и вашей матери.

– Ноа, это не кулон. Это магнитный ключ от сейфа, – тихо говорю я. – И, вероятно, в этом сейфе хранится ключ от банковской ячейки. – Сними его, я покажу.

Дрожащими руками Ноэль расстегивает цепочку. Красивая серебряная капля с рисунком лотоса ложится в мою ладонь, и я подношу ее к глазам, чтобы убедиться в своей догадке.

– На что похоже? – спрашиваю я, кивнув на лотос.

– Полагаю, это не лотос, который символизирует одновременно прошлое, настоящее и будущее, что очень символич-

но для моей жизни, – всхлипнув, шепчет Ноэль.

– Малышка, я уверен почти на сто процентов, что это слегка романтизированный логотип крупнейшего испанского банка Сантандер, – мягко отвечаю я. – После ежедневной работы с банками их логотипы мерещатся везде, но я уверен, что это не совпадение.

– Дьявол… – выдыхает Ноа, шмыгнув носом. Слезинки одна за другой стекают по ее щекам. – Какая же я пустоголовая дура!

– Нет, это не так! – с жаром заверяю ее я. Склоняюсь к ней совсем близко, так что между нашими носами почти не остается дистанции.

– Если бы сеньор Гарсиа хотел твоего сиюжесекундного вмешательства, он бы не завуалировал логотип банка под цветок. Я думаю, мои родители конфисковали твои украшения не просто так, Ноа. Они что-то искали. Твой папа *знал*. И перехитрил. Вот, чего добивается Клето! Он ищет этот кулон. Он видел тебя в нем?

Ноа задумывается, пожевывая припухшую от моих поцелуев нижнюю губу.

– Не видел. Рубашка всегда застегнута на все пуговки, а кулон я ношу под ней.

– Малышка, он не должен его найти. Тебе нужно его спрятать.

– Ясно, хорошо, – быстро кивает Ноа. – Если ты прав, мой папа не был застигнут врасплох падением вертолета, смерть

не стала для него неожиданностью. Папа мог что-то предпринять.

– Я тоже так думаю.

– Но где нам искать этот банк?

Она переворачивает кулон, и мы вдвоем взираем на гравировку.

«Море любит тебя,

А я ни на

Йоту не меньше,

Радость моя».

– Странная надпись, – тихо заключает Ноа. – Раньше мне казалось, что такое деление на строки связано с недостатком места на кулоне. Но теперь я думаю, все совсем не так.

– Это не отрывок из песни или стихотворения? – предполагаю я.

– Папа никогда не называл меня «моя радость», я была его «солнышком»… – вслух рассуждает Ноа. – Йота. Почему именно йота? М, А, Й, Р, – зачитывает она первые буквы столбцов, – что-то знакомое… Майр… Майра… дьявол! – Ноа рывком садится на кровати, и одеяло спадает с ее голой груди. – Где же еще! Каи, это банк Сантандер в Морайре!

Часть 2. Brotación

10

[10] Появление первых зеленых побегов на виноградниках (исп.)

Глава 1. Бесы вырываются на волю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.